

Р. Н. Кривко

Древнерусская версия кондака вмч. Димитрию Солунскому и её южнославянские параллели

Благодаря исследованиям последних двух десятилетий надёжно установлены как минимум два этапа в истории церковнославянской литургической поэзии византийского обряда с конца девятого — начала десятого до середины одиннадцатого века: 1) раннедревнеболгарский и 2) древнерусский, связанный с введением на Руси богослужебного Устава патриарха Алексия Студита и проведённой в русле этой литургической реформы sprawy гимнографических книг¹.

Статья написана по материалам и результатам исследовательского проекта «Язык древних церковнославянских литургических памятников», выполнявшегося в 2009–2010 гг. на Семинаре славянской филологии Университета им. Георга-Августа в Гёттингене при поддержке Фонда им. Александра фон Гумбольдта. За любезное приглашение в Гёттинген и за помощь, оказанную при работе в Германии, приношу искреннюю признательность проф. д-ру Вернеру Лефельдту. Упомянутые в статье рукописи из собрания афонского монастыря Зограф предварительно изучались среди других рукописей Афона в августе–сентябре 2008 г. во время летней стипендии, предоставленной Центром исследований славянского Средневековья — Хиландарской исследовательской библиотекой Университета штата Огайо (Колумбус, Огайо, США). За помощь в организации работы в США благодарю директора Хиландарской библиотеки д-ра Предрага Матейича и проф. д-ра Вильяма Федера. Зографские рукописи цитируются в данной статье по ксерокопиям с микрофильмов, предоставленным Хиландарской исследовательской библиотекой Университета штата Огайо.

¹ Раннедревнеболгарский период славянской гимнографии представлен прежде всего оригинальной древнеболгарской литургической поэзией, основные работы о которой написаны С. Кожухаровым [см. сборник статей: Кожухаров 2004] и Г. Поповым [библиографию Г. Попова см. в сборнике: Попов 2010: 13–20]; см. затем библиографию оригинальных древнеболгарских гимнов Триоди, Октоиха и Минеи [Станчев, Йовчева 2003: 109–112]. О древнеболгарской гимнографии в составе Требника см. [Турилов 2006а]. См. затем основные работы, посвящённые древнерусскому студийско-алексиевскому корпусу [Сергий I: 208–210; Момина 1992; Пентковский 2001].

В начале первого периода в Первом Болгарском царстве во время правления хана Бориса, в крещении Михаила (852–889, † 907) и царя Симеона (893–913 [князь, или хан], 913–927 [царь]) трудами учеников Кирилла и Мефодия, в первую очередь Климентом Охридским († 916 г.) и Константином Болгарским, или Преславским (точные даты жизни которого неизвестны), были созданы оригинальные древнеболгарские богослужебные гимны — каноны и циклы стихир, вошедшие в состав Постной и Цветной Триодей², праздничной и общей Минеи, Октоиха и Требника. Систематическое изучение оригинальной древнеболгарской гимнографии было ознаменовано основополагающими работами С. Кожухарова и Г. Попова и продолжено целым рядом исследователей, которые установили, что «<t>ворчество учеников Кирилла и Мефодия в этой области затронуло едва ли не все типы богослужебных книг» [Турилов 2000: 153] и «явно носило не окказиональный, а четко выраженный программный и планомерный характер» [Турилов, Флоря 2002: 417, и далее: 418–419]. Оригинальные древнеболгарские песнопения уже в древнейшую эпоху сопровождались переведёнными с греческого важнейшими гимнами подвижного и неподвижного круга: первые «славянские переводчики [богослужебной поэзии. — Р. К.] были одновременно и создателями оригинальных гимнографических произведений» [Пентковский 2007: 23–24]. Важнейшим свидетелем по древнейшей истории текста переводной славянской гимнографии является праздничная Минея из собрания РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 131, известная как Ильина книга, отражающая архаический древнеболгарский («допреславский») языковой узус³.

Основными источниками по древнеболгарской богослужебной поэзии раннего периода являются среднеболгарские и древнесербские рукописи XIII–XIV вв., хотя и древнерусская письменность содержит весомый пласт древнеболгарского гимнографического наследия (основные работы: [Йовчева 2002; Турилов 2006]). «Набор оригинальных славянских гимнографических текстов IX–X вв., представленный древнерусскими списками, восходит по всей очевидности к корпусу, бытовавшему в Восточной Болгарии до византийского завоевания, в значительной мере отражая его специфику на середину X в. [...] в этом отношении ситуация с Октоихом существенно отличается от ситуации минейной» [Турилов 2006: 26, 27]. В силу особой значимости

² См. примечание 1 и работы: [Флоря 2000: 8–12, 19–20; Турилов, Флоря 2002: 402–403].

³ Основная работа, в которой доказано соответствие древних языковых черт Ильиной книги архаическим содержательно-типологическим особенностям этой праздничной Минеи: [Верещагин, Крысько 1999а–б]; издания: [Крысько 2005; Верещагин 2006].

восточнославянской традиции для гимнографии недельного круга, собранной в Октоихе, именно древнерусские рукописи были положены в основу выполненного на высоком уровне научного издания гимнов Октоиха, написанных свт. Климентом Охридским [Крашенинникова 2006]. Немногим позднее выхода в свет критического издания древнеболгарского Октоиха Климента Охридского было доказано, что полный Октоих, основанный на переводных византийских гимнах, с двумя канонами на каждый день, нужный для ежедневного богослужения монастырского типа, был создан в поздне- или даже в послесимеоновскую эпоху [Йовчева 2008]. Таким образом, для Октоиха устанавливается наличие как минимум двух типов текста, сложившихся в древнеболгарский период: 1) архаичный Октоих свт. Климента Охридского и 2) Октоих с двумя канонами на каждый день недели [Йовчева 2008]. Пока неясно, как следует рассматривать служебный Шестоднев, представляющий собой краткий Октоих (на каждый день недели имеется канон только одного гласа) и сохранившийся только в древнерусской традиции. Согласно М. Йовчевой, он представляет собой сокращённую на славянской почве версию полного Октоиха [Йовчева 2008]⁴. Однако у древнерусского служебного Шестоднева имеется архаичный византийский прототип, сохранившийся в единственной известной рукописи IX века [Крашенинникова 2006: 321–333], в связи с чем заслуживает самого серьёзного внимания альтернативный вывод: «Не позднее конца X — начала XI века одна из редакций основного комплекта книг, связанных с Осмогласием, — Изборного Октоиха, Параклитика и Шестоднева с праздниками — была перенесена из Болгарии в Древнюю Русь. Если бы Октоих был заимствован из Болгарии в XI веке, на Русь пришли бы совершенно иные, более поздние его

⁴ Древнейшая рукопись, содержащая служебный Шестоднев, — Кодекс Ганкенштейна XIII в. (Österreichische Nationalbibliothek [Wien], cod. Vind. slav. 37). Эта рукопись — универсальный богослужебный сборник, который включает в себя, кроме краткого Октоиха, Апостол, Евангелие Апракос, переводную праздничную Минею, общую Минею Климента Охридского и песнопения малых жанров (воскресные кондаки, стихиры, седальны, блаженны). Праздничная Минея написана на полях более поздним почерком XIV в. Рукопись издаётся: [Birkfellner II (литература в предисловии), II; Kamp 2010 (книга А. Кампа на момент написания этих строк мне недоступна)]. Об истории общей Минеи Климента Охридского, в том числе в составе Кодекса Ганкенштейна, и издание её текста см.: [Станчев, Попов 1988: 135–144, 189–210]. Описание состава рукописи см.: [Станчев, Попов 1988: 139–140; см. затем: Marti 1989: 203 (литература)]. В связи с тем, что хранящийся в Вене Кодекс Ганкенштейна содержит в своём составе особую версию Октоиха, или служебный Шестоднев, памятник первоначально вошёл в историческую русистику под названием «Венского Октоиха» [Соболевский 2004/1884: 18–20 (первая пагинация), комментарий: Крысько 2004: 5].

типы — это были бы полные Октоихи литургического типа [...], с большим удельным весом песнопений Иосифа и определяющим влиянием норм Студийского устава. Бытование на Руси сборников архаического строения с обширным славянским репертуаром свидетельствует о том, что эти виды книг были перенесены на Русь в очень ранний период — по-видимому, вскоре после ее Крещения кн. Владимиром и не позднее 1037 г.» [Крашенинникова 2006: 381–382].

Наличие как минимум двух разных исторически обусловленных типов Октоиха в древнеболгарский период в целом соответствует основной тенденции развития Триоди. «В настоящее время М. А. Момина предполагает существование двух переводов Триоди, выполненных в Болгарии не позднее X в. [...]. На материале служебных Минеи ситуация не столь показательна. [...] Положение [...] затрудняется отсутствием для минеи своеобразного контрольного (или эталонного) экземпляра ввиду плохой сохранности древнейшей южнославянской традиции» [Турилов, Флоря 2002: 419–420]; об истории славянской Триоди см. [Momiina 2004 (основная и обобщающая работа)]; несколько иначе [Попов 1985].

Определению того, как и почему менялись язык, состав и содержание богослужебных книг Первого Болгарского царства в эпоху после смерти учеников Кирилла и Мефодия и в каком объёме древнеболгарская переводная гимнография в особенности неподвижного (минеинного) круга была использована при составлении древнерусского студийско-алексиевского корпуса, были посвящены несколько работ в течение последнего десятилетия, анализ которых здесь не входит в наши задачи⁶. Отметим лишь, что общепринятое мнение относительно

⁵ В связи с проблемой нескольких пластов sprawy в составе древнерусского студийско-алексиевского корпуса едва ли стоит принимать во внимание наличие многократных переводов одного и того же канона, исполнявшегося в разные дни церковного календаря (о таких случаях см. [Турилов, Флоря 2002: 420] (ранняя литература); см. затем [Мурьянов 2003: 222–249; Stern 2002; Christians 2006]). Нужно отличать многократные переводы одного и того же канона, исполняемого в разные дни, или, например, одних и тех же богородичных тропарей в составе разных канонов от sprawy одних и тех же текстов в составе одной и той же службы одного дня. Так, двукратный перевод канона Максиму Исповеднику в службах 21-го января и 13-го августа свидетельствует о несогласованности в действиях разных переводчиков и составителей полного корпуса повседневных служебных Минеи в пределах одной исторической эпохи. Напротив, об исторически обусловленных ступенях sprawy свидетельствует наличие трёх версий рассматриваемого в этой статье кондака вмч. Димитрию, которые все встречаются в рукописях заведомо разных ветвей традиции, однако в службе одного и того же дня.

⁶ Укажем лишь новейшие исследования по данному вопросу, в котором представлен самый полный обзор имеющихся точек зрения: [Йовчева 2008; Христова-Шомова 2009, 2010].

но развития древнеболгарской переводной и в особенности минейной гимнографии позднесимеоновской и «петровской» эпохи⁷ всё ещё отсутствует. По-прежнему недостаточная «изученность вопроса в историографии (как филологической, так и исторической) имеет несколько причин. В рамках исследования литературы Первого Болгарского царства как целостного корпуса [...] переводы постсимеоновского времени исследовались лишь в отношении традиции, условно определявшейся как „богумильская“ (апокрифические тексты). Памятники переводной гимнографии в качестве литературы долгое время практически вообще не рассматривались» [Турилов, Флоря 2002: 416] (там же ссылки на красноречивое молчание справочно-библиографических изданий стран социалистического лагеря).

История древнеболгарской, оригинальной и переводной, служебной Минеи представляет собой до сих пор окончательно не решённую проблему, сложность которой в значительной степени обусловлена состоянием источниковой базы. Действительно, в составе старославянского «канона», который включает в себя памятники, датируемые не позднее XI в., гимнография византийского обряда отсутствует. Древнейшие с палеографической точки зрения южнославянские гимнографические памятники датируются временем не ранее рубежа XI–XII вв., причём, за единственным исключением, эти памятники представляют собой, как правило, не поддающиеся историко-типологической классификации фрагменты объёмом в несколько тропарей⁸.

При таком состоянии источников для истории древнеболгарских служебных Минеи особую важность имеют ранние с точки зрения палеографии и архаичные в языковом и структурном отношении восточнославянские Путятина Минея (РНБ, Соф. 202, XI в.) [Мурьянов 1998–2000; Щеголева 2001; Баранов, Марков 2003] и типологически и лингвистически ещё более древняя Ильина книга (РГАДА, Тип. 131, XI–XII вв.) [Крысько 2005; Верещагин 2006]. Правда, относительно Ильиной книги было замечено, что эта рукопись «содержит уже явно контаминированный пласт» [Турилов, Флоря 2002: 420], о чём свидетельствует не только «наличие комбинированного канона на Успение,

⁷ Едва ли допустимо предполагать составление перевода полного годового комплекта служебных Минеи в эпоху после Петра (927–30.1.969): «Западноболгарское царство Комитопулов, на протяжении всего своего существования в последней трети X — первой четверти XI в. непрестанно воевавшее с Византией, было малоподходящим местом для масштабных переводов литургических текстов с греческого языка» [Турилов, Флоря 2002: 420].

⁸ См. перечень древнейших рукописей, преимущественно фрагментов, и подробные сведения о единственном пространном новооткрытом фрагментепалимпсесте XII–XIII вв. в новейшей публикации: [Христова-Шомова 2009a]. См. примеч. 17.

включающего отдельные тропари Климента Охридского» [Турилов, Флоря 2002: 420, примеч. 65] и входящего в дополнительную часть этой праздничной Минеи [Верещагин, Крысько 1999a: 24; Крысько 2005: 613], но и полное отсутствие следов канона Рождеству Христову Константина Преславского (об этом каноне см. [Верещагин 1997, 1999; Попов 1997, 1998]). Это доказывает редактирование по греческим источникам и сознательное, хотя и неполное, устранение раннедревнеболгарского пласта оригинальной гимнографии при составлении Ильиной книги или одного из её южнославянских прототипов⁹.

При отсутствии «эталонных» рукописей — свидетелей развития древнеболгарской переводной, в частности, минейной гимнографии эпохи после учеников Кирилла и Мефодия для реконструкции утраченных звеньев древнеболгарской традиции особое значение имеют среднеболгарские и древнесербские рукописи ранних изводов, предшествовавших появлению афонско-тырновской, или «иерусалимской» (точнее, новосавваитской), традиции. Важность южнославянских рукописей для описания достудийско-алексиевской древнеболгарской переводной гимнографии была доказана в известной работе М. А. Моминой [Момина 1992], впервые опубликованной по-немецки [Momiņa 1990]. Основными выводами этого основополагающего для современного этапа изучения славянской переводной гимнографии исследования стали следующие: во-первых, древнерусские певческие одножанровые сборники Ирмологий, Кондакарь и Стихирарь содержат ту же редакцию перевода ирмосов, кондаков и стихир, что и восточнославянские студийско-алексиевские служебные Минеи, во-вторых, представленный в этих певческих сборниках и Минеях перевод представляет собой выполненную на основе греческого оригинала переработку древнеболгарского перевода, который сохранился в среднеболгарских и древнесербских служебных Минеях. Тем самым в гимнографии неподвижного годового круга, вошедшей в состав древнерусских и южнославянских служебных Минеи и моножанровых певческих сборников XI–XIV вв., М. А. Моминой были установлены две редакции X–XI вв., о которых шла речь в начале статьи: древнерусская студийско-алексиевская XI в., представленная восточнославянскими гимнографическими сборниками, и неопределённая «древнеболгарская X в.», представленная среднеболгарскими и древнесербскими полными повседневными и праздничными Минеями XIII–XIV вв.

⁹ Устранение оригинальных древнеболгарских гимнов в Ильиной книге не было последовательным, благодаря чему в рукописи всё же сохранились алфавитные стихиры Рождеству Христову, зачала которых образуют глаголический алфавит [Крысько 2005: 352–372].

Наблюдения М. А. Моминой над Ирмологием были дополнены и уточнены в работах Л. Матейко. Им было установлено, что в славянской традиции до XIV в. представлены две версии ирмосов, с разной степенью точности передающие греческий оригинал. Обе версии сохраняются как в южнославянских, так и в древнерусских рукописях, однако более свободная версия перевода в восточнославянской традиции содержится только в служебных Минеях не позднее рубежа XI–XII вв., а именно в Ильиной книге и Путятиной Минее. Другая, более близкая оригиналу, версия также известна и в южнославянской, и в древнерусской традициях; она же представлена в восточнославянских Ирмологиях и служебных Минеях студийско-алексиевской редакции. При этом если Ильина книга содержит только «более свободную» версию перевода ирмосов¹⁰, то Путятина Миней и Миней студийско-алексиевского корпуса содержит обе версии [Матейко 2003, 2007]. Тем самым было доказано, что первоначальная версия древнеболгарских ирмосов прежде, чем попасть в древнерусскую гимнографию студийско-алексиевской традиции, была отредактирована на древнеболгарской почве. В состав древнерусских Ирмологиев и студийско-алексиевских служебных Миней XII–XIV вв. вошли преимущественно те ирмосы, перевод которых пословно передаёт греческий оригинал¹¹.

Позднее было установлено, что, помимо многочисленных оригинальных древнеболгарских гимнов, засвидетельствованных преимущественно южнославянскими рукописями XIII–XIV вв., и единичных архаичных особенностей состава (в частности, интерполяция второй песни в изначально восьмипесенный канон, кроме византийской архаической и периферийной традиций, представленная только в южнославянской гимнографии), некоторые южнославянские праздничные Миней сохраняют многочисленные архаические чтения древнейшего перевода, засвидетельствованные в том числе Ильиной книгой и отличающиеся от Миней студийско-алексиевской традиции [Йовчева 2008: 203–223]. Кроме того, в южнославянской традиции полной, или повседневной, служебной Миней содержится представительный ряд чтений, которые не совпадают ни с архаическим пластом, ни с древнерусским [подробно: Йовчева 2008: 207–208], что, казалось

¹⁰ См. о других, южнославянских, источниках, подобных в этом отношении Ильиной книге: [Матейко 2007].

¹¹ Ср., однако, интересную статью, посвящённую метрике некоторых ирмосов в составе древнерусской редакции Ирмологии, перевод которых в отдельных случаях допускает существенные отклонения от пословной передачи оригинала в пользу воспроизведения или переработки его метрической структуры: [Hahn 1968].

бы, должно быть признано решающим доказательством существования полной Миней уже в эпоху Первого Болгарского царства.

Учитывая бóльшую языковую и типологическую архаичность праздничной Миней — Ильиной книги — по сравнению даже с повседневной Путятиной Минеей, не говоря уже о службах полного студийско-алексиевского корпуса [Верещагин, Крысько 1999а–б], нужно признать, что составление полной повседневной славянской служебной Миней происходило после того, как на славянской почве появилась Миней праздничная. Для суждения об объёме повседневной древнеболгарской служебной Миней особое значение имеют последние работы И. Христовой-Шомовой [Христова-Шомова 2009, 2010], которая выявила в некоторых южнославянских повседневных полных служебных Минеях XIII–XIV вв. такую редакцию перевода, которая во многом соответствует студийско-алексиевским Минеям, опубликованным В. Ягичем. Тем самым в составе древнеболгарского гимнографического корпуса устанавливается наличие полных служебных Миней на осенние месяцы, а не только на май (майская часть представлена Путятиной Минеей).

В работах болгарских палеославистов [Йовчева 2008; Христова-Шомова 2009, 2010] сложился метод изучения древних звеньев переводной минейной гимнографии Первого Болгарского царства на основе сравнительного изучения разных славянских версий — переводов или редакций перевода — одного и того же греческого текста, содержащихся в древнерусских и среднеболгарских и древнесербских рукописях. До сих пор, однако, с должной серьёзностью не принималось во внимание то, что южнославянские гимнографические рукописи XIII–XIV вв. содержат большое количество вторичных чтений, испорченных или переосмысленных без влияния греческого оригинала. Наличие таких позднейших напластований, требующих лингвистической критики рукописного материала, убедительно показано в работах, посвящённых реконструкции гимнографического канона Кириллу Философу [Крысько 2010, 2010а (см. там же ссылки на более ранние публикации на эту тему)]. Благодаря этим исследованиям стало ясно, что метод сравнительного изучения нескольких славянских версий одного греческого гимна усложняется необходимостью не только фиксировать общие или различные чтения между списками, группами списков и редакциями, но и осуществлять лингвистическую реконструкцию и критику текста, то есть определять причины появления разночтений, восстанавливать архетип и его более поздние редакции. Дополнительной задачей в решении этой проблемы является привлечение засвидетельствованных или возможных разночтений греческого текста.

Для установления ранних этапов истории текста славянской гимнографии необходимо привлекать такие содержащиеся в древнерусских и среднеболгарских и древнесербских служебных Минеях тексты, которые содержат разные славянские версии (редакции или переводы) одного и того же греческого оригинала, с учётом разночтений в тексте этого оригинала. Наличие одной и той же версии перевода в южнославянских и древнерусских источниках для ранней истории является непоказательным: такое совпадение может означать либо то, что данный перевод был воспринят в древнерусскую традицию из древнеболгарской без изменений или же попал в среднеболгарскую или древнесербскую традицию в результате первого восточнославянского влияния (оба объяснения имеют свои методологические трудности). Для сравнения допустимо использовать только те южнославянские источники, которые являются типологически более ранними, чем служебные Минеи «иерусалимского» типа. Достоверное установление архаических текстологических пластов X в. в среднеболгарских и древнесербских служебных Минеях возможно лишь в том случае, если из этих текстов будет устранён пласт позднейших переосмыслений и искажений, свойственных южнославянским гимнографическим рукописям XIII–XIV вв.

В данной статье предлагается метод решения этих задач на материале трёх славянских версий одного песнопения — кондака вмч. Димитрию Солунскому. В силу ограниченности материала целью статьи является не столько изучение самого текста кондака, который представляет собой частный случай («ещё один список...» или «ещё один текст...»), непоказательный в силу своей единичности для истории корпуса текстов, сколько выработка метода лингвотекстологической реконструкции утраченных звеньев древнеболгарской переводной гимнографической традиции при отсутствии древних источников — непосредственных свидетелей этой традиции в сравнении с известными и доступными греческими оригиналами.

Славянские кондаки известны прежде всего благодаря изданиям древнерусских Кондакарей, которые представлены только в восточнославянской традиции — сохранилось несколько таких рукописей, датированных XI–XIII вв.¹² В южнославянской традиции Кондакари от-

¹² ГТГ (Государственная Третьяковская галерея), К-5349, XI–XII вв. [изд.: Уст. Тип. I–III; описание: Каталог 1984: 88–89, № 50]; РГБ (Российская Государственная библиотека), ОИДР 107 и РНБ (Российская Национальная библиотека), Пог. 43, XII в. (две части одной рукописи; Каталог 1984: 150–151, №№ 124, 125); РНБ, Q п I 32 и ОГНБ — ОДНБ (Одесская Государственная научная библиотека — Одеська державна наукова бібліотека), Григ. № 1/93 (1 л.) (две части одной рукописи), «Благовещенский / Нижегородский Кондакаръ», (к. XII?) — нач. XIII в. [изд.: Бражников 1955; К II; описание: Каталог 1984: 170–172, №№ 153, 154]; РГБ, ф. 304/1 (ТСЛ), № 23, «Троицкий / Лаврский

сутствуют, подобно двум другим нотированным певческим сборникам, Ирмологию и Стихирарю [Момина 1992: 201]¹³. Древнерусские Кондакари изучены прежде всего с музыковедческой точки зрения¹⁴. Лингвистическое направление в исследовании древнерусских Кондакарей представлено классической работой Б. А. Успенского [1973/1997], исследованиями и изданиями Ф. Келлера [Keller 1973, 1977, 1978, 1981], комментированным изданием Типографского Устава [Уст. Тип. I–III] и дальнейшими наблюдениями рецензента над языковыми особенностями этого памятника и замечаниями относительно ряда издательских решений [Крысько 2008]. Текстология славянских кондаков свидетельствует о том, что их древнерусская редакция, представленная в Кондакарях и служебных Минеях, сложилась в связи со студийско-алексиевской литургической реформой XI в. [Moмина 1990, Момина 1992]¹⁵ в результате сверки по другим греческим оригиналам более ранней древнеболгарской редакции [Rothe 1988, 1993; Moмина 1990, Момина 1992]. Остаётся неясным, была ли эта редакция единственной в эпоху Первого Болгарского царства.

Славянские версии кондака вмч. Димитрию Солунскому рассматриваются по следующим источникам.

Кондакаръ», к. XII — XIII вв. [изд.: Myers 1994; описание: Каталог 1984: 227–228, № 204]; ГИМ (Государственный исторический музей), Усп. 9, «Успенский Кондакаръ», 1207 г. [изд.: Bugge 1960; описание: Каталог 1984: 193–194, № 173]; ГИМ, Син. 777, XIII в. [Каталог 1984: 229, № 205]; критическое издание древнерусских Кондакарей: [К II–VII]; см. также: [Keller 1977, 1978, 1981 (последняя статья — музыковедческое исследование фрагмента Кондакаря, лл. 72 об. — 72 об., в древнерусском Октоихе XIII–XIV вв. РНБ, Соф. 122)].
¹³ «Весьма показательно отсутствие этих книг в сербских списках XIII–XIV вв., в целом лучше сохраняющих древнейшую традицию, чем болгарские. Кондакаръ (ненотированный), помещенный в дополнении к сербскому Прологу нач. XIV в. (ГИМ, Хлуд. 189, лл. 251–282), явно восходит к русскому списку, т. к. включает в себя песнопения Борису и Глебу и на перенесение мощей Николы. Рукопись НБКМ № 898 названа Ирмологием по ошибке, т. к. из описания следует, что это Октоих <...>. Болгарский Энинский Стихирарь второй половины XIV в. <...>, в сущности, представляет Праздничную Минею <...>. Особое место занимает достаточно экзотический и древний Парижский Стихирарь кон. XII — нач. XIII в. <...>, содержащий только стихиры на 1–14 сентября, написанные на полях греческого сборника сочинений Платона <...>. Нотированные <...> южнославянские рукописи почти отсутствуют. До XIV в. можно указать лишь отдельные песнопения» [Турилов 2000: 129].

¹⁴ Новейшие работы: [Владышевская 2006, 2007; Пожидаева 2007: 149–187; Myers 2009; Flores 2009; Hannick 2009].

¹⁵ Исследование и издание Устава патриарха Алексия Студита: [Пентковский 2001]. Общность редакции древнерусских кондаков в составе Кондакарей и студийско-алексиевских служебных Минеи прослеживается в критическом аппарате изданий [К III–V (минейная часть), MD I–V, MF I–IV].

В качестве представителя древнерусской студийско-алексиевской редакции кондака вмч. Димитрию выбраны древнерусские Кондакари, которые цитируются по сводному изданию [К III 130–133]. Основной текст, опубликованный в этом издании [К III 130–133] и воспроизводящийся в данной публикации, сверен по фототипическому и наборному текстам в публикации Типографского Устава [Уст. Тип. I, л. 35–36; II 95–96]. Текст, представленный в Кондакарях, засвидетельствован также в древнейшей славянской служебной Минее на октябрь (1096 г.), изданной В. Ягичем [Ягич 1886: 180]. Все эти источники учтены в сводном издании древнерусских Кондакарей [К III 130–133], отмеченные издателями разночтения рассматриваемого текста не затрагивают лексику и грамматику. В изданных В. Ягичем Минеех одно грамматическое разночтение всё же имеется, хотя в издании [К III 132] оно не отмечено (см. разночтения к публикуемому ниже тексту и дальнейшие комментарии). Разночтения к древнерусской версии приводятся по изданию В. Ягича [Ягич 1886: 180] и двум южнославянским рукописям. Эти южнославянские источники среднеболгарского языкового извода по составу разночтений образуют группу, близкую к древнерусской версии, однако отличающуюся от неё некоторыми значимыми вариантами: *Пм72* и *ДМ*. Обе рукописи представляют собой праздничные Минее на весь год, датируемые XIII или XIV вв. (см. библиографические данные в списке источников). Службы, в наиболее просторном варианте, включают в себя стихиры, каноны с седальными после третьей песни, кондаки с икосами после шестой песни, сопровождаемые чтениями из нестишного Пролога. В состав *Пм72* и *ДМ* включены перикопы из Священного Писания. Песнопения и четьи тексты в *Пм72* и *ДМ* расположены согласно порядку следования в богослужении. В обеих рукописях имеются просторные литургические указания, описывающие состав изменяемых частей утреннего и вечернего богослужения и литургии.

Особая версия кондака вмч. Димитрию содержится в *Ск*, среднеболгарской праздничной Минее XIII в., которая по составу и расположению гимнографических жанров и четьих текстов (нестишной Пролог и Св. Писание) не отличается от группы *Пм72* и *ДМ*. Различия между группой *Пм72=ДМ* и *Ск* касаются не расположения текстов, а их содержания, что будет показано далее. Версия кондака, совпадающая с *Ск*, содержится также в *Зогр53*, одной из самых ранних древнесербских служебных Миней, рашского извода, датируемой первой половиной XIII в. По составу гимнографических жанров и по их расположению эта рукопись почти не отличается от древнерусских студийско-алексиевских служебных Миней. Службы в их полном виде *Зогр53* включают в себя стихиры, седальны и канон, которые, как пра-

вило, расположены именно в таком, то есть пожанровом, а не богослужебном порядке. Пожанровое расположение гимнов соответствует наиболее раннему этапу развития служебной Минеей как типа сборника¹⁶. Исключением из пожанрового принципа расположения песнопений является позиция седальна, который, в соответствии с богослужебным порядком, иногда помещается после третьей песни канона, что является инновацией в истории и типологии служебных Миней. Ещё одной такой инновацией является отсутствие вторых песней, во множестве известных в древнерусской студийско-алексиевской традиции [Мурьянов 2003: 395–400]. Важнейшими архаическими структурными особенностями *Зогр53* являются, во-первых, отсутствие тропарей праздника (или «отпустительных тропарей», исполняемых в конце утрени), во-вторых, наличие светильнов, которые отсутствуют в студийско-алексиевских Минеех, но представлены, например, в палимпсесте, описанном И. Христовой-Шомовой [Христова-Шомова 2009]¹⁷, и, в-третьих, состав и количество кондаков, в особенности способ их расположения и записи в памятнике.

В *Зогр53* содержатся пять кондаков, три из которых являются интерполяциями в первоначально написанный текст. Это означает, что славянскими источниками *Зогр53* были рукописи — свидетели как минимум двух ветвей славянской традиции, причём в одном из этих источников не было кондаков. Полагаем, что эта особенность источника *Зогр53* восходит к византийскому образцу (более уверенное суждение о византийском образце рукописи типа *Зогр53* невозможно в рамках данной статьи, в которой не может быть решена и не ставится задача историко-типологической классификации славянских и византийских служебных Миней)¹⁸.

На л. 64 *Зогр53* помещены кондак, икос и светилен ап. Анании. В нарушение всякого порядка эти тексты помещены перед службой апостола, которая записана на оборотной стороне листа (л. 64 об.) *ad diem* первого октября; кондак, икос и светилен в основном тексте службы отсутствуют. Тексты на лицевой стороне л. 64 написаны другим, более крупным, почерком по сравнению с предшествующими (до л. 63 об.) и последующими (л. 64 об. и далее) листами, очевидно, для того, чтобы

¹⁶ В византийском Тропологии младшей разновидности, в отличие от более поздних Миней, принят, напротив, только богослужебный порядок расположения песнопений [Кривко 2008: 56, 83–84].

¹⁷ Нижний слой, содержащий служебную Минеею, датирован А. А. Туриловым XII–XIII вв. (в рецензии на настоящий сборник).

¹⁸ Об отсутствии кондаков в архаических Минеех и Триодях: [Παπαδόπουλος-Κεραμέυς 1894: 360; Суботин-Голубовић 1995: 444; Momina 2004: 220, 248–249; Кривко 2008: 74–77].

как можно больше заполнить лицевую сторону л. 64, на которой других записей нет. После службы 31-го ноября, вне даты, на лл. 126 об. — 129, другим почерком, чем основной текст, написан знаменитый канон мч. Димитрию Солунскому (память — 26-го октября) *От мглы лютыя и невеждества избави ны*, авторство которого часто приписывается свт. Мефодию Солунскому и греческий оригинал которого в византийской традиции неизвестен. После третьей песни этого канона помещён седален, а после шестой — кондак и икос, являющиеся предметом данной статьи. Вслед за каноном мч. Димитрию Солунскому тем же почерком на лл. 129—131 об. записан канон архангелу Михаилу (память — 8-го ноября) *Икоже дрѣвле прѣркъ рѣ . ста во рѣ противу / язъкоу миѣхиле Зоґр53*, л. 129, также с седалном после третьей песни и с кондаком после шестой. («Кондаком» это монострофное песнопение является только согласно заглавию: на самом деле это первый икос кондака арх. Михаилу. Смещение строф и терминов является дополнительным доказательством чужеродности кондака в *Зоґр53* и в одном из её прототипов.) Греческий оригинал этого канона неизвестен: предполагаемое зачало * *Ὁς πάλα (ὁ) προφήτης* etc. отсутствует в справочнике Э. Фоллиери [Follieri V/1: 196—197] и среди зачал неопубликованных канонов арх. Михаилу и Силам Бесплотным [Παλαῖολοπούλου-Φωτοπούλου 1996: 82—88]. Зачало *Икоже дрѣвле прѣркъ рѣ . ста во рѣ противу / язъкоу миѣхиле Зоґр53*, л. 129, тематически соотносится с третьим тропарём канона арх. Михаилу Константина Преславского, опубликованного С. Кожухаровым по праздничной Скопльской Минее (*Ск 37 об.*): *Тыи также прѣркъ прорѣ дрѣв'ле. славныи Миѣхиле. ста бораса противъ язъкоу вез'божьноу* [Кожухаров 1983/2004: 49]. Не только кондак, икос и светилен ап. Анании, но и службы мч. Димитрию и арх. Михаилу написаны другим почерком, чем основной текст. После канона арх. Михаилу, на л. 132 об., начинаются службы на ноябрь, написанные основным почерком.

Важнейшей особенностью состава *Зоґр53* является редчайший древнеболгарский канон ап. Андрею Первозванному (память — 30-го ноября) Наума Охридского, единственное известное гимнографическое произведение этого автора, дошедшее до нас в двух списках и впервые опубликованное С. Кожухаровым по *Зоґр53* [Кожухаров 1984/2004: 33—44] (второй источник канона ап. Андрею Первозванному — праздничная Минея *Хл166* [Попов 1994; 2003]). Канон завершает собой ноябрьские службы и саму Минею *Зоґр53*, однако его расположение необычно и тем самым подобно описанным выше интерполяциям. Канон Наума Охридского помещён после переводного канона ап. Андрею. Такое расположение само по себе нормально для *Зоґр53*. После третьей песни канона имеется седален, кондак и икос отсутствуют. Однако исключительной особенностью *Зоґр53* является то, что песно-

пения малых жанров помещены после канона, а не перед ним: «Подир канона намираме светилен, 3 стихири на IV глас [...], кратка стихира с надпис *ѧ*, което вероятно е означение на I глас, и сѣѣра: *г҃ла . ѿ :—*, която най-вероятно изпълнява функцията на „слава“ по отношение на предходния цикъл хвалитни стихири. Добавените след канона светилен и стихири недвусмысленно подсказват, че пред нас не е отделен канон, както би следвало да очекваме от надписанието му, а непълна служба, от която липсва вечерният дял, а утринният е пълен» [Кожухаров 1984/2004: 36]. Расположение малых жанров — стихир — после канона дало С. Кожухарову основание утверждать, что они образуют завершающую часть службы и представляют собой стихиры, исполняемые после возгласа «хвалите Господа», или так называемые «хвалитные стихиры», они же «стихиры на хвалитех» (*εἰς τοὺς αἶνους*). Однако заглавие у сохранившихся стихир отсутствует, кроме того, других случаев расположения стихир «на хвалитех» в *Зоґр53* нет, следовательно, перед нами — пример редкого и архаического на славянской почве «обратного» расположения жанров в составе службы, согласно которому канон предшествует стихирам¹⁹.

Описанные интерполяции образуют однородную с историко-литературной точки зрения группу текстов: канон мч. Димитрию Солунскому и канон ап. Андрею связаны с древнейшим периодом развития славянской гимнографии. Канон арх. Михаилу не имеет греческого оригинала и содержит как минимум одну межтекстовую параллель с каноном арх. Михаилу Константина Преславского, что требует дальнейших разысканий в области истории и критики текста *Зоґр53*. Обобщая эти особенности *Зоґр53*, С. Кожухаров писал: «Тук можем да наблюдаваме как проникват новите, славянските произведения в [...] преводни химнографски сборници» [Кожухаров 1984/2004: 35—36]. Выражаясь точнее, «славянские произведения», созданные в русле древнеболгарской литературной традиции, оказались парадоксальным образом не включены в первоначальный основной текст *Зоґр53* и были вписаны позднее, очевидно, на специально для этого оставленных пустых страницах. То же касается и кондаков, которые отсутствовали в одном из славянских прототипов или в византийском образце *Зоґр53*. Такое расположение переводных и оригинальных текстов, а также кондаков, доказывает, что *Зоґр53* составлялась на основе как минимум двух типологически и исторически разнородных антиграфов.

¹⁹ К числу Миней с «обратным» расположением жанров относятся Путятина Минея, Ильина книга, Битольская Триодь, служба Борису и Глебу в служебной Минее на июль (РГАДА, ф. 381 [Тип.], № 121, XI—XII вв.), и подробно изученный Н. А. Нечунаевой [Нечунаева 1998] среднеболгарский фрагмент Q.п. I 25 кон. XII — нач. XIII вв.

Один из этих антиграфов *Зогра53* был составлен по такому византийскому образцу, согласно которому в составе Минеи не должно быть, во-первых, гимнов, принадлежащих к древнейшей славянской гимнографической традиции (что естественно), во-вторых, в нём не было кондаков. Ближайшей типологической параллелью *Зогра53* является служебная Минея *cod. Vat. gr. 2* (XI в.) италогреческого происхождения [Devreesse 1955: 33; описание рукописи: Cavalieri 1923: 2–3], службы которой содержат в своём составе стихиры, иногда седальны и канон. Кондаков в рукописи нет. В одном случае песнопения малых жанров следуют после канона, что является редчайшим случаем в византийских служебных Минеях²⁰.

²⁰ *Cod. Vat. gr. 2*, л. 142, служба 24 ноября св. Григорию Акрагантскому (Акрагантскому, Агригентскому), начинается с канона Ταῖς τοῦ Πνεύματος ἀκτῖσις πλοσφουόμενος (опубликован без второй песни [Follieri IV 13]; в рукописи *Vat. gr. 2* содержится вторая песнь с зачалом Αἴνεσον ἀναλαύσιον φέρων ἐν στόματι σοφέ, л. 142 об., которая позволяет восстановить разрушенный фразовый акrostих). На поле рядом с зачалом первой песни содержится запись: ζ(η)τ(ου) τὸ καθ(ομα) / καὶ τὰ στιχ(ηρά) εἰς / τ(ὸ) τέ(λος) τ(οῦ) καν(όνος) ‘ищи седален и стихиры в конце канона’, — которая указывает на необычность такого расположения жанров. Ещё один пример такого «зеркального» порядка песнопений в составе минейной службы выявлен А. Ю. Никифоровой в унциальной служебной Минее из древнейшего минейного комплекта *cod. Sin. gr. 607* (IX–X вв.), л. 196, в службе пророку Михею (21 апреля) [Никифорова 2010: 112–113]. *Cod. Sin. gr. 607* создан на Синае и для Синая, что подтверждается характерным для этого региона наклонным типом маюскульного письма (об этой рукописи, в том числе её происхождении, см. [Никифорова 2005: passim]). Ещё недавно славистам была известна лишь одна византийская рукопись с «зеркальным» расположением песнопений в составе службы («канон — малые жанры»): Триодь архаического типа *cod. Vat. gr. 771*, XI в. [Momiņa 2004: passim; со ссылкой на: Карабинов 1910; Нечунаева 2000: 55]. При этом слависты до недавнего времени упускали из внимания, что рукопись *Vat. gr. 771* (XI в.) — итало-греческого происхождения [Devreesse 1955: 31–33; описание рукописи: Devreesse 1950]; ср. [Куюмджиева 2010] (в работе С. Куюмджиевой, со ссылкой на позднейшие публикации литургистов и без упоминания приоритета Р. Девреса, указано на италогреческое происхождение источника; типологическая характеристика Триоди *Vat. gr. 771* С. Куюмджиевой не учитывает типологию византийской Триоди, построенную И. Карабиновым, хотя во многом её повторяет; не упомянуты и работы М. А. Моминой, обобщённые в итоговой публикации: [Momiņa 2004]). Таким образом, все три греческие рукописи, Триодь и две Минеи, в которых обнаружено «обратное» расположение жанров в составе службы, не только датируются древнейшим периодом становления этих гимнографических сборников — X–XI вв., — но и написаны на дальней периферии византийского культурного, или, если говорить точнее, литургического ареала, то есть в Италии или на Синае. Следовательно, «зеркальное» расположение жанров в составе архаических славянских гимнографических сборников воспроизводит не просто древний, но редкий, а главное, периферийный византийский структурный тип.

Как будет показано далее, кондак вмч. Димитрию, записанный в *Зогра53*, отражает архаическую версию славянского текста. Следовательно, этот кондак восходит ко второму источнику *Зогра53*, который отражал не современную византийскую, а раннедревнеболгарскую гимнографическую традицию. Для темы нашей статьи важно то, что разные по составу и расположению жанров служебные Минеи, *Ск* и *Зогра53*, содержат одну редакцию текста кондака вмч. Димитрию Солунскому.

Далее приводятся три славянских версии кондака вмч. Димитрию и их греческий оригинал. Первая южнославянская версия публикуется по рукописи *Зогра53*, использованной в качестве основного списка, с разночтениями по *Ск*. После первой южнославянской версии *Зогра53=Ск* приводится текст древнерусской студийско-алексиевской версии, представленной в Кондакарях и восточнославянских служебных Минеях (в частности, опубликованных В. Ягичем); текст печатается по сводной публикации [К III: 130–133], сверенной и исправленной согласно новому наборному и фототипическому изданию [Уст.Тип. I, л. 35–36; II 95–96]; собранные издателями разночтения не представляют в данном случае интереса для истории текста и поэтому не воспроизводятся в критическом аппарате, сопровождающем эту публикацию. Принятое в издании [К III] деление на строки не воспроизводится, соответствующая современным русским литературным нормам пунктуация сохраняется. Вторая южнославянская версия, представленная рукописями *ДМ* и *Пт72*, публикуется в разночтениях к древнерусской версии. Критического издания греческого текста кондака вмч. Димитрию Солунскому нет (см. расшифровку сокращённых названий изданных греческих источников текста в конце статьи). При издании греческого текста сохраняется принятое в научной издательской практике деление строф кондака на «длинные» и «короткие» строки²¹, что соответствует более сложной, по сравнению со стихирами и тропарями, метрике кондакарной поэзии.

Зогра53, л. 128

кѡ · гла · вѣ · по · архистратигѣ вѣжнѣ¹ · ∴ /
 Течениемъ крове твоѣи · димитриѣ · / цркви вѣжнѣ вѣагри^{II} · юже^{III} ты
 дасть^{IV} дръ/жавоѣ неподымоѣю (так!)^V · и подръжить градъ · / твои недвижи-
 мо^{VI} · томоу во ты вси похвал· ∴ /
 кѡ²²
 Сего великаго^I въ пѣснехъ · вси^{II} съшѣшесе / вѣрою^{III} · ꙗко хрѣвѣ хѣва
 ѡника димитриа · / пѣми поутѣмъ^{IV} · и^V възъпниемъ съгласно · / къ вѣцѣ

²¹ Термин восходит к работам: [Meyer 1886: 64–94, 1896].

²² Слово *икос* написано на левом поле, чернила выпцвели; буква *и, если она была или есть в рукописи, на распечатанной с микрофильма копии не читается.

и творцоу вселенѣи · избавити / ни ^{VI} ѿ троуса вѣднаго ^{VII} ѹлвколюбуе · мли/
твами бѣе и всѣхъ стѣхъ ^{VIII} мнкъ · въ те ^{IX} / во оупваемъ · избавитисе
скръби и вѣды ^X / съдръжен конце единого ^{XI} · томоу во ты / вси похвала
(так!) ^{XII} ∴

Разночтения по *Ск 27 об.*

проимий

^I гла · б̄ · по̄ · архистратиге б̄кӣ ∴ / ∴ в *Ск* отсутствует указание
на глас и подобен] ^{II} ѿбагри: прѣоӯкрасова] ^{III} юже: ѿѿже] ^{IV} дастъ: доб х̄б̄]
^V неподымоӯю: неповѣдимъ] ^{VI} недвижимо: недвижимо]

икос

^I великаго: великаго] ^{II} вси: нет] ^{III} вѣрою: вѣрно] ^{IV} поучѣемъ: и пѣнми]
^V и (възъпиемъ): и нет] ^{VI} избавити ни: иъзъбави на] ^{VII} вѣднаго: вѣднааго]
^{VIII} стѣхъ: доб твоихъ] ^{IX} въ те: на та] ^X скръби и вѣды: вѣди / и скръвий]
^{XI} единого: едине · ко̄ .] ^{XII} похвала: похвала]

К III 130

ко̄ гла · б̄ · са̄гла̄.

Кръвви²⁴ твоихъ стрѣлами, димитрие ^I, църкъвь вогъ ^{II} ѿбагри ^{III}, давъти
ти държавѣ²⁵ неповѣдимъ ^{IV} и навѣдди²⁶ градъ твои невредимъ ^V; томоу
во вси оутвърженне²⁸ ^{VI} ∴²⁹

²³ Последний элемент диграфа ы читается на копии неуверенно.

²⁴ Так в нотированном варианте; в ненотированном тексте стяжённая форма
кръви [К III 130, Anm. 8; Уст. Тип. II 95, примеч. 5].

²⁵ В изд.: държавѣ [К III 131]; хотя текст издан по Типографскому Уставу, имею-
щему сокращение б₁, в издании имеется примечание: «б₁ f: държавоу» [К III
130, Anm. 14]. Из этого следует, что в одной и той же рукописи одно и то же
слово в одном и том же тексте написано дважды по-разному. Согласно друго-
му изданию выясняется, что в рукописи, в ненотированном тексте, написано
държавоу, в нотированном — държавѣ [Уст. Тип. I, л. 35; Уст. Тип. II 95].

²⁶ В изд.: навѣдди [К III 130], с примечанием: «а₁ б₁ b₂ с f: навѣдд, d: навѣддд»
[К III 130, Anm. 16]. В нотированном тексте Типографского устава —
навѣдд, в ненотированном — навѣдди [Уст. Тип. I, л. 35; Уст. Тип. II 95].

²⁷ В изд. невредимъ [К III 130], с примечанием: «а₁: неповѣдимъ, б₁, b₂: невредимо,
с d: невредимъ» [К III 130, Anm. 17]. В Типографском Уставе, в нотированном
и ненотированном текстах, — о [Уст. Тип. I, л. 35; Уст. Тип. II 95]. В данной
статье в качестве основной принимается соответствующая греческому ори-
гиналу форма невредимъ, засвидетельствованная, согласно критическому ап-
парату, двумя рукописями.

²⁸ В изд., согласно нотированному тексту Типографского Устава: томѣ, ствѣр-
женне, с вариантами, соответствующими чтению данной статьи [К III 130];
зд. цит. по ненотированному тексту: [Уст. Тип. I, л. 35; Уст. Тип. II 95].

²⁹ Знак ∴ в изд. [К III 130] опущен.

К III 132

икосъ подобенъ оутасни ми <тазъикъ>³⁰ ∴³¹

Сего великааго ^I въ пѣсньхъ вси съшъдъшесѣ ^{II} вѣрою, тако хравѣра х̄ва и
м̄унка ^{III}, дьмитриа ^{IV} пѣсньми и пѣнни ^V възъпиемъ ^{VI} къ вл̄дцѣ и творцю³²
вселенѣи ^{VII}: «изъбави ^{VIII} ны ^{IX} ѿ троуса вѣднаго, ѹлвколюбуе, молитвами
б̄ца и всѣхъ святыхъ ^X м̄нкъ ^{XI}; на та ^{XII} во ^{XIII} оупваемъ ^{XIV} избавитисѣ
вѣды и скръби ^{XV} ∴: л̄о̄ ^{XVI} · томоу во вси оутвърженне ^{XVII} ∴» ∴

Разночтения по *ДМ 47 об., Пт 72 42 об.*, [Ягич 1886: 180]

заглавие

са̄гла̄: *ДМ=Пт 72 нет*

проимий

^I димитрие: Ягичъ 1886 дьмитрие: *ДМ=Пт 72 д̄имитриѣ (Пт 72 дмитрие)*]
^{II} вогъ: Ягич 1886 б̄о (!): *ДМ=Пт 72 б̄оу* ^{III} ѿбагри: *ДМ=Пт 72 ѿбагривъ]*
^{IV} неповѣдимъ: *Пт 72 неповѣдима (!)* ^V навѣдди: *ДМ=Пт 72 сънавѣдъ]* ^{VI} не-
вредимъ: *ДМ=Пт 72 невредимо]* ^{VII} ствѣрженне: *ДМ=Пт 72 похвала]*

икос

^I Сего великааго: *Пт 72 Того великааго]* ^{II} вси съшъдъшесѣ: *Пт 72 съшѣшесѣ*
вси] ^{III} хравѣра х̄ва и м̄унка: *ДМ=Пт 72 и (Пт 72 и нет) хравѣра х̄ва м̄унка]*
^{IV} дьмитриа: *ДМ д̄имитриѣ: Пт 72 дмитриа]* ^V пѣнни: *Пт 72 пѣсньми]*
^{VI} възъпиемъ: Ягич 1886: възъпиймъ *ДМ доб съгласно и]* ^{VII} вселенѣи: *ДМ*
вселенъ.] ^{VIII} изъбави: *ДМ избавити]* ^{IX} ны: *Пт 72 на̄]* ^X святыхъ: *Пт 72*
с̄тихъ] ^{XI} м̄нкъ: *Пт 72 доб твоихъ]* ^{XII} на та: *ДМ въ та]* ^{XIII} во: *Пт 72 вси]*
^{XIV} оупваемъ: *ДМ оуповахомъ: Пт 72 оуповаемъ]* ^{XV} скръби: *ДМ доб съдръжи*
конца единого] ^{XVI} ∴: л̄о̄ ∴: *Пт 72 нет]* ^{XVII} оутвърженне: *ДМ=Пт 72 похвала]*

[TRM II 28] разночтения по: [AK I 169; MR I 531, MV X 140]

κονδάκιον, ἦχος β', ἰδιόμελον
Τοῖς τῶν αἰμάτων σου ῥεῖθροις, Δημίτριε,
τὴν ἐκκλησίαν Θεὸς ἐπορφύρωσεν
ὁ δούς σοι τὸ κράτος ἀήττητον
καὶ περιέπων τὴν πόλιν σου ἄτρωτον·
: αὐτῆς γὰρ ὑπάρχεις τὸ στήριγμα. ∴

³⁰ Скобки в издании.

³¹ Знак ∴ в изд. [К III 132] опущен.

³² В изд.: τ<в>орцю. Скобки в издании указывают на конъектуру; к данному
чтению имеется примечание: «творцю; б₁ [сокращение для Типографского
Устава — источника, по которому в *К III* печатается основной текст конда-
ка. — Р. К.] трорцю, согг. R<othe>» [К III: 132]. Согласно фототипическому
изданию и наборному тексту, в рукописи ясно читается творцю [Уст. Тип. I,
л. 35; Уст. Тип. II 95].

[TRM II 28]

ὁ οἶκος, προσόμοιον „τράνωσον μου“

Τοῦτον τὸν μέγαν πάντες ἐν ὕμνοις¹ συνελθόντες ἐν πίστει^{II} ὡς ὀπλίτην Χριστοῦ καὶ μάρτυρα Δημήτριον^{III} ἐν ὡδαῖς καὶ ὕμνοις συνεκβοῶμεν^{IV} τῷ δεσπότῃ καὶ κτίστῃ τῆς οἴκουμένης· „Ρύσαι ἡμᾶς τοῦ σεισμοῦ τῆς ἀνάγκης, φιλάνθρωπε, πρεσβείαις τῆς θεοτόκου καὶ πάντων τῶν ἀγίων μαρτύρων σου·^V εἰς σὲ γὰρ πάντες^{VI} ἐλπίζομεν τοῦ ἑυσθηνα κινδύνων καὶ θλίψεων, αὐτὸς^{VII} γὰρ ὑπάρχεις^{VIII} τὸ στήριγμα.“

Разночтения к икосу

¹ ἐν ὕμνοις: *MV X 140 = MR I 531 συμφώνως*] ^{II} συνελθόντες ἐν πίστει *MV X 140* συνελθόντες οἱ πιστοί *MR I 531 οἱ πίστει συνελθόντες*] ^{III} Δημήτριον *MV X 140 = MR I 531 τιμήσωμεν*] ^{IV} συνεκβοῶμεν *MV X 140 = MR I 531 ἀναβοῶντες*] ^V σου *MR I 531 нет*] ^{VI} πάντες *MV X 140 = MR I 531 нет*] ^{VII} αὐτὸς γάρ: *AK I 169 αὐτῆς γάρ*³³: *MV X 140 = MR I 531 ὅτι σύ*] ^{VIII} ὑπάρχεις *MV X 140 = MR I 531 доб ἡμῶν*]

Ни в одном южнославянском источнике, кроме *Зогр53*, не указано, что проимий представляет собой *самогласен* — песнопение, не имеющее метрического и музыкального подобна и исполняющееся по собственной уникальной модели. Способ музыкального исполнения славянского кондака остаётся при такой записи текста неясным. В *Зогр53* указание на подобен имеется, однако это является результатом контаминации (*conflatio*) двух позднейших вставок в эту рукопись, о которых шла речь выше. На указанный в *Зогр53* подобен (т. е. по метрической и музыкальной модели) *архистратигѣ ѿжнѣ* написан другой кондак — арх. Михаилу, который содержится в *Зогр53* в составе интерполяции, следующей в нарушение календарного порядка непосредственно за службой мч. Димитрию (л. 130 об.). Очевидно, что составитель или редактор *Зогр53* не обладал достаточным опытом, чтобы квалифицированно использовать восходящую к раннему древнеболгарскому архетипу рукопись, которая была чужда знакомой составителю и современной ему византийской гимнографической традиции.

В связи с практикой музыкального исполнения кондака показательна разная мотивация термина для обозначения рефрена в *Ск* (кѣ ‘конец’) и в древнерусских Кондакарях и Минеях, с которыми совпадает *Пт72* (лѣ ‘люди’) (в *ДМ* рефрен не обозначен). Сокращение лѣ, использованное в студийско-алексиевской версии и в *Пт72*, имеет музыкальное содержание: оно означает, что весь текст кондака

³³ Все славянские версии восходят к чтению αὐτῆς [AK I 69; см. также: К III: 133, Anm. 4].

исполняется солистом и лишь рефрен икоса подхватывается хором. Сокращение кѣ в *Ск* особенностями исполнения кондака не мотивировано, что является ещё одним штрихом к музыкальной истории византийских переводных гимнов в древней Болгарии.

Дальнейшие отличия версии *Зогр53=Ск* от версии студийско-алексиевской и *ДМ=Пт72* обусловлены не только индивидуальными пропусками, но и трансформацией синтаксических конструкций греческого оригинала и позднейшим переосмыслением более раннего древнеболгарского архетипа.

В версии *Зогр53=Ск* мн.ч. τοῖς τῶν ἀσμάτων σου ῥεῖθροῖς (др.-р. кръвни твоихъ стрѣлами) передано формами ед.ч. течеиниель кръве твоѣйе. Возможно, целью такого перевода — если это действительно перевод, а не позднейшее изменение в русле славянской традиции — было стилистическое упрощение текста, достигнутое за счёт устранения форм мн.ч., которые в данном случае выполняют риторическую функцию. Одновременно с таким переводом изменён по сравнению с оригиналом порядок слов.

Притяжательное прилагательное ѿжнѣ (ѿжнѣ) в соответствии с греческим им.п. Θεός заставляет предполагать метрически возможный вариант *Θεοῦ. Чтение кѣ *ДМ=Пт72*, которое объясняется как дательный принадлежности³⁴, отражает то же гипотетическое *Θεοῦ. Возможно, что к исправному чтению *кѣ восходит описка кѣ [Ягич

³⁴ О дательном possessивном в старославянском и о его конкуренции с прилагательными см.: [Večerka 1993: 195–197]. Для локализации архетипа версии *ДМ=Пт72* могло бы быть полезным мнение Р. Вечерки о диалектном характере дательного атрибутивного (и дательного possessивного, в частности): «<F>ast vollständige Funktionsäquivalenz mit dem adnominalen Gen. im Aksl. erweist ihn jedoch als eine im allgemein slavischen Rahmen territorial begrenzte („mundartliche“) Erscheinung. Sie hängt mit der kategorialen Verschmelzung von Gen. und Dat. zusammen, die einer der ersten Schritte zum Untergang der Deklination im Bg. und Maked. gewesen sein dürfte. Der Ausgangspunkt des Prozesses lag im Osten des südslav. Sprachgebiets, was sich in der erhöhten Frequenz des adnominalen Dat. in den kyrillischen, aus dem Osten des Balkanslavischen stammenden Handschriften (S und Su) spigelt» [Večerka 1993: 197–198] [‘почти полное функциональное тождество <дательного приимённого. — Р. К.> с приимённым родительным в старославянском свидетельствует о нём, однако, как о территориально ограниченном («диалектном») явлении. Оно связано с категориальным объединением родительного и дательного, которое, возможно, является одним из первых шагов к утрате склонения в болгарском и македонском языках. Отправная точка этого процесса находится на востоке южнославянского языкового ареала, что отражается в повышенной частотности дательного приимённого в кириллических рукописях, происходящих с балкано-славянского востока’]. К сожалению, это интересное наблюдение не подтверждено количественными данными и сопровождается лишь упоминанием Супрасльской рукописи и Саввиной книги.

и грамматический субъект остался формально не выраженным и потому неясным. Попыткой разрешить эту неясность является вставка $\chi\bar{\kappa}$ в *Ск*, которая по соображениям метра и грамматики не может восходить к незасвидетельствованному греческому оригиналу, в котором логический и грамматический субъект выражен с помощью субстантивированной формы $\acute{\omicron} \delta\omicron\upsilon\varsigma$. На уровне внеязыкового содержания и широкого контекста ценностные иерархические отношения между *Богом* и *Церковью* сместились в сторону приоритета *Церкви*, которая была кем-то вручена самому мученику. Сам он при этом служил проконсулом и не принадлежал к церковной иерархии: «Течением крови твоей, о Димитрий, Церковь Божию обагрил [кто?], которую тебе дал [кто?] в качестве непобедимой силы, и удерживает [кто?] город твой непоколебимым».

Бессмысленность усложняющих текст синтаксических трансформаций и привнесённое в перевод смутное внеязыковое содержание соседствует с удачной передачей причастия $\lambda\epsilon\gamma\iota\epsilon\lambda\omega\nu$ от $\lambda\epsilon\gamma\iota\epsilon\lambda\omega$ 'букв.: обходиться' [LSJ 1372: 'treat, handle', как в положительном, так и в отрицательном смысле]; $\lambda\epsilon\gamma\iota\epsilon\lambda\omega$ образовано от $\epsilon\lambda\omega$ 'хлопотать, заботиться (о чём-л.); заниматься (чем-л.)' [LSJ 678: 'to be about, busy oneself with']. При отсутствии славянской параллели, которая бы отражала морфемную структуру и словообразовательную мотивацию оригинала, переводчик выбрал нетривиальное славянское соответствие, отражающее контекст и хорошо подходящее по смыслу к наречию *недвижимо Зогра53* или прилагательному *недвижимь Ск* (ср.: *пѣдръжитъ градъ твои недвижимо / недвижимь*). Слова *недвижимо* или *недвижимь* передают не засвидетельствованное в изданиях разночтение — наречие * $\acute{\alpha}\sigma\epsilon\iota\omicron\tau\omicron\varsigma$ 'недвижимо' или отглагольное прилагательное двух окончаний $\acute{\alpha}\sigma\epsilon\iota\omicron\tau\omicron\varsigma$ 'недвижимый'. (Паронимическое смешение славянских наречия и прилагательного могло возникнуть и независимо от греческого текста в славянской рукописной традиции в том числе под влиянием буквы \diamond в следующем слове, сравним аналогичную описку в Типографском Уставе (b_1, b_2): *неврѣдимо* [К III 130; Уст. Тип. I 35], если это \diamond не является известной графико-фонетической заменой τ на \diamond .) Оба варианта, * $\acute{\alpha}\sigma\epsilon\iota\omicron\tau\omicron\varsigma$ и * $\acute{\alpha}\sigma\epsilon\iota\omicron\tau\omicron\varsigma$, имеют ту же метрическую структуру (трёхсложный proragoxutonon), что и засвидетельствованное в изданиях $\acute{\alpha}\tau\omicron\omega\tau\omicron\nu$ — др.-р. *неврѣдннѣ* (вин. п.). В таком словоупотреблении славянский переводчик сумел приблизиться к классической античной традиции: в толковании глагола $\lambda\epsilon\gamma\iota\epsilon\lambda\omega$ замечено, что он употребляется «in good writers almost always with an Adv. or some modal verb to determine the sence» [LSJ 1186].

Противоречие между удачным выбором одного слова и разрушением грамматического и внеязыкового содержания на уровне син-

таксического целого заставляет усомниться в том, что текст $\tau\epsilon\chi\epsilon\nu\iota\epsilon\nu\iota\epsilon\lambda\omega$ *крьве твоѣе · димитрии · цркъвь бжнїю ѡбагри · юже ты дасть дрь/жавоѹ неподымоѹ* (так!) · и *пѣдръжитъ градъ · / твои недвижимо Зогра53* отражает первоначальный перевод в неиспорченном виде.

Исправный текст, соответствующий содержанию оригинала и адекватно выражающий его грамматический и логический субъект, реконструируется с помощью графически малозаметной конъектуры. Полагаем, что исконым соответствием греческого $\acute{\omicron}$, вводящего субстантивированную группу, должно быть не *юже* (**ѣже*), а **иже* '[Тот,] Кто [т. е. Бог]: *Течениемъ крьве твоиѣ, димитрии, цркъвь бжнїж ѡбагри (прѣоѹкрасова?) иже ти дасть дръжавѣ неподѣднїжж и пѣдръдръжитъ градъ твои недвижимо 'потокот твоей крови, о Димитрий, Церковь Божию обагрил [Тот,] Кто дал тебе силу непобедимую и непоколебимо удерживает твой город'. Аналогичная описка, однако «в другом направлении», отмечена в традиции одной из древнеболгарских алфавитных стихир предпразднству Рождества Христова. В Ильиной книге зачало этой стихире выгледит так: *Жже ѡстоѹпаѣтъ ли пламенно ѡржжнїе* [Крысько 2005: 371]; в рукописях отмечены разночтения: «*Жже: Т98 Оуже; НБ522, Хл166 Юже* — очев., написание, восходящее к протографу; *F70 Иже (!)*» [Крысько 2005: 371]. Благодаря конъектуре *юже* → **иже* оказывается, что отличия перевода от оригинала ограничиваются передачей субстантивированных причастных конструкций оригинала личными формами глагола в сопровождении объектных групп, тогда как логический субъект, выраженный в оригинале с помощью субстантивированных причастий, передан с помощью относительного местоимения *иже* ($\acute{\omicron}$). Реконструированная фраза имеет достаточное количество типологических параллелей [Максимович 2004: 110; 2006]. Аналогичные примеры приведены, в частности, в Пражском словаре старославянского языка, *sub verbo иже* — «nonnumquam in enuntiatione principali deest nomen aut pronomem, ad quod sententia relativa spectat: enuntiatione principalis cum omissio nomine vel correlativo pronomine demonstrativo <...> (кѣде) сѣтъ ѡубо иже всѣ житїе свое лѣнатъ сѣ поѹ нѹн ѣїѡн ої... ѡѡѡѡи Supr 375,8» [SJS I: 712]. Процитированный пример является особенно близким соответствием нашему случаю: в обеих фразах субстантивированная группа с прилагательным или с причастием в качестве главного слова, вводимая артиклем $\acute{\omicron}$, передана с помощью *иже* в функции субъекта и личной формой глагола в функции предиката (во фразе *кѣде сѣтъ ѡубо иже всѣ житїе свое лѣнатъ сѣ — поѹ нѹн ѣїѡн ої... ѡѡѡѡи* лексической параллелью славянскому глаголу является греческое субстантивированное прилагательное).

Особую проблему представляет индивидуальное чтение рукописи *Ск прѣоѹкрасова*, соответствующее форме *ѡбагри / ѡбагри* ($\epsilon\lambda\omicron\sigma\phi\upsilon\omega\sigma\epsilon\nu$)

во всех прочих списках. Глагол *прѣѡкрѡсѡвати* — гапакс *Ск*, не засвидетельствованный ни в словарях, ни в базах данных, однако образованный по продуктивной и распространённой в гимнографии словообразовательной модели вторичной имперфективации с суффиксами *-ива(-ыва-)* / *-ѡва(-ѡва-)* [см. об этом специальную статью и там же более раннюю литературу: Йовчева 2009]. Известно похожее образование: «*ѡкрѡсѡвати κατακοσμίζω* (24.123), — (24.103)» [Christians 2001: 219], которое подсказывает метрически допустимую греческую параллель к *прѣѡкрѡсѡва* — **κατηκόσμισε*. В то же время отмеченная в переводе древней славянской служебной Минеи на декабрь параллель *ѡкрѡситисѡ* — *λαμπρύνοισι* [Christians 2001: 219] ‘блистать (в т. ч. великолепием)’ указывает на такую передачу языковой метафоры ‘блистать → быть красивым’ (*λαμπρύνοισι*), при которой семантический ореол света исчезает в прямом значении славянского *ѡкрѡситисѡ*. В переводе *ѡλοφύρωσεν* ‘обгрил’ славянским *прѣѡкрѡсѡва* легко увидеть тот же приём, когда *ѡбагрѣнная* (мученической кровью Церковь) правомерно переосмыслена как *украшенная* на основе метафорического сходства; в этом случае из перевода устраняется уже не световая, а цветовая семантика.

Гапакс *прѣѡкрѡсѡва*, переосмысливающий засвидетельствованное чтение *ѡλοφύρωσεν* или восходящий к гипотетическому **κατηκόσμισε*, трудно объяснить как результат замены простого и понятного чтения *ѡбагри*. Направление редактирования объяснимо только в одном направлении: от гапакса и потому *lectio difficilior* *прѣѡкрѡсѡва* к более распространённому и потому простому *ѡбагри*.

Более того, если обе славянских формы, *прѣѡкрѡсѡва* и *ѡбагри*, действительно передают один греческий оригинал *ѡλοφύρωσεν* ‘обгрил’, то привнесение эксплицитно выраженного смыслового оттенка красоты в *прѣѡкрѡсѡва* свидетельствует об известной творческой свободе переводчика, решившегося «улучшить» текст. Такое «улучшение», однако, с точки зрения теории и практики пословного и так называемого «буквального» перевода является недопустимым «ухудшением». Как мы знаем, «<u>силение буквальности последующих переводов можно рассматривать как универсальную тенденцию, известную многим древним литературам» [Алексеев 1999: 78]. Следовательно, с точки зрения техники перевода и при условии, что оба варианта восходят к одному оригиналу *ѡλοφύρωσεν*, перевод *прѣѡкрѡсѡва* как более «свободный» является более ранним по сравнению с *ѡбагри*, которое в словообразовательном и лексико-семантическом отношении точнее выражает оригинал.

Версия *ДМ=Пм72* отличается от древнерусской студийско-алексеевской версии различием *сѣнабѣѣ* (**сѣнабѣѣ*) — *набѣѣ*. Для

приставочного деривата *набѣѣти* установлен «ранний характер сложения» (**na + *bǫdǫti*), который «явствует из наличия особого вторичного значения: ‘бдѣть над чем-либо’ → ‘стеречь, охранять, заботиться’» [ЭССЯ 21: 220]. Приставка **sъ* придаёт слову **nabǫdǫti* семантику полноты совершения действия, уместную в контексте кондака, однако не соответствующую словообразовательной структуре греческого *περιέλω*. Префикс *περι-* ‘вокруг’ скорее сопоставим в этом значении с *на-* ‘(на)’, чем с *сѣ-*, не имеющим параллели в греческом оригинале. Варианты *сѣнабѣѣти* и *набѣѣти* отражают, таким образом, не результат паронимического смешения, а разное осмысление одного греческого слова с помощью оттенков словообразовательной семантики и внутренней формы славянских синонимов.

Завершая анализ проимия, укажем, что чтение рефрена (томоу во ты иси) похвал<а> *Зогр53*, засвидетельствованное во всех южнославянских рукописях, возводимо к метрически равноправному варианту **καύχημα*, тогда как древнерусское *ѡтверженіи* опирается на засвидетельствованное в изданиях текст *στήριγμα*. Обе греческие словоформы — трёхсложный *πρωτοχυτονον*.

Списки всех славянских версий икоса содержат несколько общих отступлений от греческого текста. Во втором колоне порядок слов *въ пѣснѣхъ вси* *Зогр53=ДМ=Пм72* (или древнерусское *въ пѣснѣхъ вси*) в переводе иной, чем в греческом *πάντες ἐν ὑμῖν*. Исключение представляет *Ск*, где местоимение *вси* отсутствует; в данном случае общность этого источника с прочими списками состоит в том, что *Ск*, как и другие рукописи, отражает некое искажение первоначального порядка, заданного греческим оригиналом.

Кроме этого пропуска, в словосочетании *всѣхъ сѣтихъ мѣнѣ* *Зогр53* (=ДМ; то же: *всѣхъ свѣтихъ мѣнѣ* [К III]) отсутствует определение, которое соответствовало бы греческому (*πάντων τῶν ἁγίων μαρτύρων*) *σού*. Пропуск обусловлен влиянием особого оригинала: соответствующее греческое местоимение отсутствует в версии Римской Минеи [MR I 531; см. аппарат]. Варьирование в один слог в конце колона допустимо в данном случае метрической моделью *Τράνωσον μοῦ τὴν γλώσσαν* [MT I 523]. Однако рукописи *Ск* и *Пм72* содержат в данном случае чтение, восходящее к иному оригиналу, чем *Зогр53*, *ДМ* и древнерусские источники: *твоихъ* *Зогр53*, причём чтение *твоихъ* в *Пм72*, в отличие от *Ск*, находится на той же позиции в тексте, что и в оригинале (*святых мучеников твоих*), что отражает влияние той версии греческого оригинала, которая представлена в большинстве изданий кондака.

Осталось без перевода или утрачено на ранних этапах истории текста местоимение (*εἰς ὃ γὰρ*) *πάντες* (*ἐλλίζομεν*), ср. *въ те во ѡпѣваніи*

Зогр53 (=Ск=ДМ) или на *та во оупваимъ* [К III] (обратим внимание на разную передачу предлога *εις* в южнославянских и древнерусской версиях). Исключение представляет *Пт72*, где местоимение *вси* имеется, однако при этом утрачен союз *во*, как и в одном из древнерусских Кондакарей [см. критический аппарат в: К III 132]. Утрата местоимения *вси* во фразе *ибо мы все на тебя уповаем* (*εις σε ὑὰρ πάντες ἐλλίζομεν*) в разных ветвях славянской традиции может объясняться ранней сверкой с испорченными греческими источниками, на что указывает не допустимый метрической моделью в середине колона [MT I 523] пропуск соответствующего местоимения *πάντες* — греческой параллели *ко вси* — в венецианском издании византийского кондака [MVX].

Перечисленные пропуски, представленные в разных ветвях традиции, указывают на общий, древний, источник доступных свидетелей славянского текста. «Исчезнувшие» слова доказывают, что сверка с греческими оригиналами при появлении поздних версий, и в особенности древнерусской, проводилась с учётом данных более ранних славянских источников. В незначительных случаях, таких, как порядок слов и пропуск не нарушающих смысл и не препятствующих пониманию местоимений, рукописи более ранней славянской традиции имели в глазах средневековых справщиков приоритет перед традицией византийской, или же авторитет этой традиции в содержательно мало-значимых фрагментах текста не принимался во внимание.

Чтение *вѣды* и *скърви* (*κινδύων καὶ θλίψεων* ‘бед и скорбей’) — общая особенность всех древнерусских рукописей и группы ДМ=Пт72, в котором отражается переосмысление род. п. мн. ч. первоначального перевода (**вѣдъ* и *скърви*) как род. п. ед. ч. Само по себе единичное написание *вѣды* и *скърви* объяснимо как фонетически закономерная вокализация *ѣ* в позиции перед *и* (*йь*) и стяжение *и* в *и*. Такому прочтению препятствует последовательность, с которой написание *вѣды* и *скърви*, с понятным графико-орфографическим варьированием, воспроизводится во всех рукописях группы др.-р.=ДМ=Пт72³⁶. Особенно важно, что это чтение содержится в южнославянских источниках ДМ=Пт72, ни один из которых не фиксирует написание, в котором бы не отразились синтагматические изменения, связанные с интервокальным *j*: *вѣ/ды* и *скърви* ДМ 47 об., *вѣди* и *скръви* Пт72 43. Согласные показания разновременных восточно- и южнославянских источников, которые не содержат морфологически исконного чтения **вѣдъ*

³⁶ В издании, учитывающем графико-орфографические колебания, к данному примеру разночтений нет [К III 132], ср. комментариев к др.-р. переводу, не учитывающий возможность фонетического объяснения написания *вѣды* и *скърви*: «gr. *plug*» [К III 132, Апп. 3].

и *ск[ѣ]р[ѣ]ви*, снижают вероятность фонетического объяснения написания типа *вѣды* и *скърви*. Наконец, в-третьих, в *Зогр53* соответствующее написание *вѣды* (*скръви* и *вѣды* *Зогр53* 128) из-за изменённого порядка слов³⁷ находится не перед *и* (*йь*) и тем самым неопровержимо доказывает, что *вѣды* в данном фрагменте — это рано переосмысленный как единственное число род. п. мн. ч. *вѣдъ* с вокализацией напряжённого *ѣ* и с последующей перестановкой форм **вѣдъ* и *скръви* → **вѣды* и *скръви* → *скръви* и *вѣды*. Наиболее близким к первоначальному чтению является написание *вѣди* / и *скръви* Ск 27 об., впрочем, тоже отражающее вокализацию исконного *ѣ* или всё же описку — появление и под влиянием буквы последующего слога. Судя по наличию формы *вѣды* / *вѣди* (из **вѣдъ*) в разных ветвях традиции, морфологическое переосмысление написания, возникшего в результате позиционно обусловленного перехода напряжённого *ѣ* в *ы*, имело место на ранних этапах истории текста.

Описанные в двух предыдущих абзацах общие пропуски, изменение порядка слов и переосмысление грамматических форм, очевидно не представлявшие интереса для средневековых справщиков и потому сохранившиеся в разных источниках, имеют, однако, то значение для истории текста, что они представляют собой классический случай «общих ошибок» и тем самым доказывают наличие общего источника у всех славянских версий. Для текстологической характеристики и классификации источников важны также следующие разночтения, которые, в частности, характеризуют «метод» работы среднеболгарских и древнесербских книжников, позволявших себе править оказывавшийся непонятным текст без сверки с греческим оригиналом.

Отсутствие союза *и* во фразе *хравра хѣва мѣника* *Зогр53*=Ск=Пт72 (в др.-р. Кондакарях: *храврѣра хѣва и мѣника* — *ὀπλίτην Χριστοῦ καὶ μάτορα*) едва ли является неосознанной опиской. Перед нами — (поздняя?) попытка упростить (первоначальный?) текст за счёт устранения субстантивации прилагательного *храв(ѣ/ѡ)рѣ* (*ὀπλίτης*) и превращения его в обычное определение к *мѣнѣ*. Аналогичный приём был использован создателем версии ДМ, который переставил союз *и* на другое место, благодаря чему была достигнута та же цель — устра-

³⁷ Исконный порядок славянских слов, синонимов *вѣда* и *скървь*, уверенно устанавливается благодаря славянско-греческим лексическим параллелям. *Вѣда* — обычное соответствие греч. *κίνδυνος* ‘опасность’ [Речник 2003: 269]; значение ‘опасность’ не отмечено у славянского *вѣда* ни в современных славянских языках и диалектах, ни в оригинальных славянских текстах и описывается в словарях только на переводном материале при помощи соответствующей греческой параллели [ЭССЯ 2: 54; SJS I: 157; СДРЯ I: 357].

нение субстантивированного прилагательного и возвращение ему адъективного статуса: и хравра х̄ва м̄нка.

Более значимо не имеющие прямой греческой параллели ни в одном опубликованном источнике греческого текста чтение версии *Зогр53=Ск* хравра х̄ва м̄ника димитриа · п̄кми поут̄кми · и възъпниемь съгласно · къ вл̄цѣ и творцоу (наречие съгласно содержится также в *ДМ* на том же месте в тексте). Древнерусская версия греческой фразы ὀπλίτην Χριστοῦ καὶ μάρτυρα Δημήτριον ἐν ὁδαῖς καὶ ὕμνοις συνεβόωμεν τῷ δεσπότη καὶ κτίσῃ ‘воина Христова и мученика Димитрия в песнях и гимнах [воспоём], совзывая к Господу и Творцу’ — хравра х̄ва и м̄нка димитриа п̄кскими и п̄книи възъпниемь къ вл̄цѣ и творцю — воспроизводит имеющуюся в оригинале грамматическую неопределённость: глагол възъпниемь одновременно управляет и прямыми (τοῦτον τὸν μέγαν... ὀπλίτην... καὶ μάρτυρα Δημήτριον — сего великаго... хравра... м̄нка димитриа), и косвенными дополнениями (τῷ δεσπότη καὶ κτίσῃ — къ вл̄цѣ и творцю; ср. немецкий перевод: «in Hymnen und Liedern laut besingen zum Herrn und Schöpfer ‘в гимнах и песнях воспоём ко Господу и Творцу’» [К II 133]). По сравнению с древнерусской версией, в основном совпадающей с чтением группы *ДМ=Пт72* (ср. выше о разночтениях, связанных со словом хравр), версия *Зогр53=Ск* синтаксически проще благодаря тому, что она восходит к другому греческому тексту. В оригинале *Зогр53=Ск* вместо обстоятельства образа действия καὶ ὕμνοις ‘и гимнами’ находился глагол τιμήσωμεν, который засвидетельствован в близком к чтению *Зогр53=Ск* венецианском издании служебных Миней: Τοῦτον τὸν μέγαν πάντες συμφώνως οἱ λιτοὶ συνελθόντες, ὡς ὀπλίτην Χριστοῦ καὶ μάρτυρα τιμήσωμεν, ἐν ὁδαῖς καὶ ὕμνοις ἀναβοῶντες [MV X 140]³⁸ ‘сего великого все согласно[мы,] верные, как воина Христова и мученика, почтим, в песнях и гимнах взывая’ — Сего великаго въ п̄ксныхъ · вси съшьшесе / в̄кроу · тако хравра х̄ва м̄ника димитриа · / п̄кми поут̄кми · и възъпниемь съгласно *Зогр53=Ск* (в *Ск* поут̄кми нет, где читается и п̄кскими). В данном случае ценность венецианского издания состоит в том, что оно является единственным источником греческих лексических параллелей для двух слов версии *Зогр53=Ск*: поут̄кми — τιμήσωμεν, съгласно (съгласно *ДМ*) — συμφώνως. Однако «венецианский» текст не является непосредственным оригиналом версии *Зогр53=Ск*. Более того, сравнение греческого икоса в публикациях [TRM II; AK I; MR I; MV X] с *Зогр53=Ск* доказывает, что эта славянская версия вообще

³⁸ На отличие венецианского издания от римского [MR I 531] в связи с комментарием к соответствующему фрагменту славянского перевода указал В. Ягич: «възъпниемь с. възъпниемь н., в гр. τιμήσωμεν... ἀναβοῶντες, венец. изд., ближе р. συνεβόωμεν» [Ягич 1886: 180, примеч. 10].

не может быть результатом перевода одного греческого источника. Она отражает совмещение разных вариантов греческого текста, одновременное появление двух из которых невозможно в оригинале по метрическим соображениям; они объединены лишь в славянской версии *Зогр53=Ск*: въ п̄ксныхъ, съгласно — ἐν ὕμνοις [TRM II; AK I; MR I]; συμφώνως MV X; димитриа, поут̄кми — Δημήτριον [TRM II; AK I; MR I], τιμήσωμεν [MV X]. Расположение «венецианских» чтений версии *Зогр53=Ск* съгласно (συμφώνως) и поут̄кми (τιμήσωμεν) не соответствует позиции их греческих параллелей. Это, одновременно с наличием взаимоисключающих с точки зрения критики греческого текста чтений, доказывает, что версия *Зогр53=Ск* является либо переводом, выполненным с двух различных версий греческого текста, что крайне маловероятно в славянской переводной литературе, либо контаминацией двух существенно более ранних славянских версий, которые восходят к разным оригиналам.

«Венецианский» вариант ἀναβοῶντες подсказывает также возможный источник всех славянских версий: *ἀναβοῶμεν, который со словообразовательной точки зрения лучше соответствует славянскому възъпниемь/възъпниемь, представленному во всех ветвях традиции, чем опубликованное в качестве оригинала древнерусской версии συνεβόωμεν ‘букв.: совозовём’. Разночтение възъпниемь/възъпниемь обусловлено паронимическим смешением на славянской почве. Форма -βοῶμεν является омонимичной и может выражать как индикатив, так и конъюнктив настоящего времени. В сопоставлении с формой повелительного наклонения поут̄кми *Зогр53* следует признать исконным индивидуальное чтение възъпниемь, засвидетельствованное пока только единственным источником — древнерусской студийско-алексиевской служебной Минеей на октябрь [Ягич 1886: 180]. В этом случае все остальные славянские рукописи, как южнославянские, так и древнерусские, отражают общую ошибку — раннюю замену исконного възъпниемь на възъпниемь. Эта замена является либо результатом паронимического смешения на славянской почве без влияния греческого оригинала, либо ошибочного редактирования первоначального перевода по греческому тексту и последовавшей в связи с этим передачей омонимичного *ἀναβοῶμεν или συνεβόωμεν (конъюнктив или индикатив) формой уже не повелительного, а изъявительного наклонения.

В силу своих морфологических особенностей заслуживает внимания чтение и п̄кскими *Ск*, и п̄кскими *Пт72* (καὶ ὕμνοις). Окончание -ми во флексиях тв.п. мн.ч существительных *o/*jo- и консонантной основ, представленное в канонических старославянских памятниках единичными примерами, особенно характерно для древнеболгарской

оригинальной и переводной гимнографии [Пичхадзе 2008: 160; Пичхадзе 2009: 303–304 (литература, примеры)]. Замена инновационного *пѣньми* на более нейтральное и уже не текстологически, но морфологически более древнее и исконное *пѣнии*, представленное в др.-р.=ДМ, имела место, возможно, уже на древнеболгарской почве. Во всяком случае, в древнерусском языке окончание тв.п. мн.ч. на *-ми* оказалось непродуктивным среди существительных **o/*jo*-основ, что является достаточным основанием для его замены на исконную флексию: «Несмотря на многочисленность примеров ТП на *-ми*, в подавляющем большинстве случаев все же использовались исконные формы на *ы/и* [...] С совокупность данных церковно-книжных, деловых и летописных текстов позволяет утверждать, что флексия *-ми* оказалась менее активной, чем флексии других падежей **и*-основ, маркированных в отношении рода» [Иорданиди, Крысько 2000: 92].

Неразрешённой загадкой версии *Зогр53=Ск* является не имеющая греческого соответствия в доступных источниках фраза (*въ тѣ / во оупваемь*) *сѣдръженъ концѣ единого* (едине *Ск*), находящаяся также в ДМ. Само существование греческого оригинала у этой фразы проблематично: если бы он существовал, то строка увеличилась бы на целый колон, что абсолютно недопустимо для метрической модели *Уясни ми язык* (Τράνωσον μοῦ τὴν γλῶσσαν)³⁹. Что касается морфологических особенностей этого фрагмента, то они соответствуют древнему периоду истории церковнославянского языка, в частности, раннему состоянию категории одушевлённости. В этой связи закономерно употреблена исконная форма вин. п. ед. ч. *тѣ* (**тѣ*), поскольку формы личных и возвратного местоимений *мѣ*, *тѣ*, *сѣ* в старославянских и древнерусских памятниках решительно преобладают над инновационными вин.=род. *мене*, *тебе*, *себе* [Крысько 1994: 127–133]. В отличие от форм личных местоимений, исконная форма вин. п. ед. ч. *ѣдинѣ* совпадала с формой им. п. ед. ч. и тем самым образовывала «номинативно-аккузативный синкретизм» [Крысько 1994: 127; ср. там же, стр. 136: «исконные формы ВП типа *добрѣ*, *и*, *тѣ* и т. п. без определяемого имени воспринимались, вероятно, как недостаточно ясные, неспособные отличить, допустим, *и* как субститут слова *столь* от *и* как заменителя слова *братѣ*], поэтому появление в версии *Зогр53* или в её архетипе инновационной формы вин.=род. *ѣдиногѣ* столь же закономерно, что и исключительное употребление уже в древнейших памятниках форм вин. = род. п. ед. ч. членных и местоименных прилагательных и причастий [Крысько 1994: 133–137]. Согласно ранее установленному и подтверждённому новей-

³⁹ См. метрику образцового текста и построенную по его образцу модель: МТ I 523, № XIV.

шим исследованием правилу, в старославянском языке употребление форм вин. п. = род. п. ед. ч. «у определенных (членных) форм прилагательных в роли дополнения „ne parait souffrir aucune exception“ (Meillet 1897, 16) [„кажется, не допускает ни одного исключения“]» [Крысько 1994: 133]. Более того, «заслуживает внимания явная склонность прилагательных, особенно постпозитивных, к использованию формы В=Р независимо от того, в какой форме стоит определяемое ими существительное или местоимение <...> Сходная картина зафиксирована и в старославянском языке: „L’adjectif qui sert de prédicat au pronom anaphorique *jī* ou à un pronom personnel... se met au génitif-accusatif“ (Meillet 1897, 48) [„Прилагательное, которое служит предикатом к анафорическому местоимению *И* или личному местоимению, ставится в родительном-винительном“]» [Крысько 1994: 134; там же примеры и четыре исключения: два в старославянском языке и два — в древнерусском].

И всё же, несмотря на грамматическую закономерность появления формы *ѣдиногѣ*, выступающей в *Зогр53* в роли прямого объекта и однородного дополнения в одном ряду с *тѣ* (**тѣ*), её следует рассматривать как переосмысление исконного текста, выполненное, однако, с соблюдением древних грамматических правил. Осмысленное и целесообразное употребление однородного дополнения, отделённого от первого (*тѣ=*тѣ*) инфинитивной конструкцией со значением цели (*избавитисѣ скръви и вѣды*) и причастным оборотом в функции обращения (*сѣдръженъ концѣ*), маловероятно, поскольку в столь удалённой от первого однородного члена позиции оно неоправданно усложняет текст. Нужно поэтому признать, что более вероятным первоначальным чтением является вариант *Ск*, где мы находим не *ѣдиногѣ*, а обращение *ѣдинѣ*, благодаря которому фраза получает осмысленное прочтение: «Ибо на тебя уповаем [в надежде] избавиться от опасностей и скорбей, о Содержащий концы [Земли], о Единый».

Выполненный анализ трёх славянских версий кондака вмч. Дмитрию позволяет установить несколько групп различий. В эти группы не включены отмеченные в критическом аппарате морфонологические варианты и такие индивидуальные ошибки отдельных рукописей, как паронимическое смешение, изменение порядка слов и пропуски.

1. «Общие ошибки» древнерусской версии и южнославянских свидетелей текста: а) изменение порядка слов: *Зогр53=ДМ=Пм72* *въ пѣсньхъ вси* = др.-р. *въ пѣсньхъъ вси* (в *Ск* *вси* нет) — πάντες ἐν ᾠμοῖς ‘все в песнях’; б) грамматическое переосмысление форм с напряжённым *ѣ* перед *ј*: *Зогр53* *скръви* и *вѣды* = ДМ *вѣ/ды* и *скръви* = Пм72 *вѣди* и *скръви* = др.-р. *вѣды* и *скръви* — κινδύων καὶ θλίψεων ‘бед и скорбей’.

Эта группа чтений доказывает, что все три древние славянские версии кондака вмч. Димитрию восходят к одному архетипу.

2. Общие чтения всех южнославянских рукописей, противопоставленные древнерусским: ю.-слав. *храбра х̄ва ѿка* — др.-р. *хравъра х̄ва* и *мѣнка* (ὁς ὀπλίτην Χριστοῦ καὶ μάτυρα); рефрен: ю.-слав. *пхвала* (**καύχημα*) — др.-р. *штвърженне* (στήριγμα). Первое разночтение этой группы является вторичным переосмыслением архетипа, которое не мотивировано влиянием оригинала и отражает южнославянское «редактирование» среднеболгарского или древнесербского периода, предшествующее афонско-тырновской справе. Второе разночтение значимо для истории древнерусской версии потому, что оно, во-первых, находится в рефрене, т. е. в выразительной с риторической и музыкально-исполнительской точек зрения позиции, и, во-вторых, доказывает, что древнерусская версия появилась в результате справки по греческому оригиналу, отличавшемуся от того, на основе которого выполнены архетипы южнославянских версий *Зогр53=Ск* и *ДМ=Пм72*.

3. «Текстологические приметы», или общие чтения группы *Пм72=ДМ*, противопоставленные одновременно и *Ск=Зогр53*, и др.-р.: *а) Пм72=ДМ б̄ог* (**Θεοῦ*) — *Зогр53=Ск б̄жнѡ* (**Θεοῦ*) — др.-р. *вогъ* (*Θεός*); *б) Пм72=ДМ ѡвагривъ* — др.-р. = *Зогр53 ѡвагъри/ѡвагри*, *Ск прѣоѣкрасѡва* (*ἐλορφύρωσεν*); *в) Пм72=ДМ сънаѡдѣ* (**сънаѡдѡ*) — др.-р. *навѣдѡ* — *Зогр53=Ск подръжитъ* (*περιέπων*). Пример *а)* вновь доказывает, что при составлении др.-р. версии проводилась сверка с греческим оригиналом, отличающимся от того, который лежит в основе архетипов южнославянских версий. Пример *б)* представляет собой, вероятнее всего, порчу, поскольку в данном случае из-за передачи личной формы оригинала причастием, или «второстепенным сказуемым» (А. А. Потебня), предложение лишается «главного сказуемого», выраженного личной глагольной формой. Среди характеристических чтений группы *Пм72=ДМ* нет ни одного, которое было бы обусловлено влиянием греческого оригинала, отличающегося от того, который был использован при составлении архетипа версии *Зогр53=Ск*. Пример *а)*, однако, доказывает, что при наличии в данном случае общего оригинала для группы *Зогр53=Ск* и *ДМ=Пм72* он был заново привлечён для редактирования славянского текста версии *ДМ=Пм72*. Следовательно, появление архетипа *ДМ=Пм72* сопровождалось сверкой с греческим текстом. Пример *в)* не является очевидным свидетельством редактирования текста по греческому оригиналу, однако, как было сказано, он отражает разное осмысление одного греческого слова, а не его искажение или паронимическое смешение. Оба случая, *а)* и *в)*, важны потому, что они доказывают наличие двух ранних редакций: архетипа

ДМ=Пм72 и восходящей к нему, а не к архетипу *Зогр53=Ск*, древнерусской студийско-алексиевской. Это означает, что версия *ДМ=Пм72* не восходит к древнеболгарскому архетипу восточнославянской редакции и что студийско-алексиевская редакция не является копированием некоей древнеболгарской редакции. Древнерусская редакция представляет собой не копирование, а созданную на древнерусской почве с привлечением греческого оригинала осмысленную переработку более раннего древнеболгарского текста. Этим текстом является архетип версии *ДМ=Пм72*.

4. Чтения *Зогр53=Ск*, противопоставленные общим чтениям др.-р. = *Пм72=ДМ*: *а) теченнѣмъ крове твоѣе* — *кръвини твоихъ стрѣли* (τῶν αἱμάτων σου ῥεῖθροῖς); *б) юже* (*иѡже* *Ск* ← **иже*) *ты дасть дръ/жавоѣ* — *давѣти ти дръжавѣ* (ὁ δοῦς σοι τὸ κράτος); *в) подръжитъ* — *навѣдѡ* (*περιέπων*); *г) недвижимо/недвижимъ* (**ἀσειστος/ἀσειστον*) — *неврѣдимъ/неврѣдимо* (*ἀτροτον*); *д) ты еси* — *еси*; *е) съгласно* (то же: *ДМ съгласно ѡж ѡ*) (*συμφώνως*) — *въ пѣсньхъ* (*ἐν ὑμνοῖς*). Примеры *б)*, *в)*, *г)*, *е)* доказывают, что при появлении чтений, общих для версий др.-р. и *ДМ=Пм72*, проводилась сверка с греческим оригиналом. В случаях *г)* и *е)* этот оригинал отличался от оригинала архетипа версии *Зогр53=Ск*. Наличие у архетипа версии *Зогр53=Ск* особого греческого оригинала подтверждается нижеследующим примером (см. пункт 5).

5. Индивидуальные чтения *Зогр53*, восходящие к особому греческому оригиналу: *пучтѣмъ* (*τιμήσωμεν*).

6. Чтения *Ск*, общие с *Пм72* и др.-р.: на *тѡ* *Ск=др.-р.=Пм72* — *въ тѣ* *Зогр53=ДМ* (*εἰς σέ*).

7. Индивидуальные чтения древнерусской октябрьской Минеи 1096 г. [Ягич 1886: 180], *Ск* или *Пм72* и общие чтения *Ск* и *Пм72*, отражающие особый греческий оригинал: *твоѡхъ* *Ск* = *твоихъ* *Пм72* (*σου* во всех греч. версиях, кроме [MR I]; в других версиях греч. *σου* и его слав. перевод отсутствуют); *въси* *Пм72* (*πάντες*; в других слав. версиях слова *въси* нет, что соответствует чтению версии [MV X] греческого текста); *възъпниимъ* [Ягич 1886] (**ἀναβοῶμεν*?).

8. Контаминация разных вариантов греческого текста в *Зогр53=Ск* (= *ДМ*), причём один из вариантов (подчёркнутый) представлен только в этой группе, а второй — также в группе *Пм72=ДМ=др.-р.*: *въ пѣснѣхъ, съгласно* (= *ДМ съгласно*) — *ἐν ὑμνοῖς* TRM II, AK I, MR I; вариант: *συμφώνως* MVX; *дидитрина, пучтѣмъ* — *Διμήτριον* TRM II, AK I, MR I *τιμήσωμεν* MVX = MR I.

9. Контаминация чтений *Зогр53* с другими источниками, отражающая разные греческие оригиналы: *а) Зогр53=ДМ всѣхъ сѣтыхъ ѡнкъ* = др.-р. *всѣхъ святыхъ мѡнкъ* — (*πάντων τῶν ἁγίων μαρτύρων*) *σου* '(всех святых мучеников) твоих' (местоимение *σου* пропущено в соот-

ветствии с версией [MR I]); б) Зоґр53=ДМ=Ск въ (Ск на) те во оупваимъ = др.-р. на та во оупваимъ — εἰς σὲ γὰρ ἐλλίξομεν (после γὰρ пропущено πάντες, как в версии [MV X]; ср. въси в Пт72).

10. Индивидуальные чтения Ск, восходящие к тому же оригиналу, что и чтения прочих списков, но отражающие его особое осмысление: прѣкоѹрасова Ск (ἐλορφύρωσεν).

11. Индивидуальное чтение Ск при наличии переосмысленного без опоры на оригинал («испорченного») чтения в других списках: скръвиъ Ск (θλίψεων) (ср. пункт 1: скърви/скръви/скръви).

12. Индивидуальные чтения Ск, не поддающиеся надёжной классификации: ѣдинѣ (?).

13. Реконструированные на основе Зоґр53 и Ск чтения, восходящие к архетипу древнейшего перевода и не засвидетельствованные в таком виде ни в одной рукописи: *иже ти дастъ дръжавъ (ὁ δοῦς).

Сделанные наблюдения приводят к следующим выводам об истории изученного текста.

В древнерусских Кондакарях и служебных Минеях студийско-алексиевской редакции и в древнесербской и среднеболгарских служебных Минеях ранних редакций содержатся три версии перевода кондака. Благодаря «общим ошибкам» установлено, что все три редакции восходят к одному архетипу. Его появление предшествовало появлению древнерусской редакции, следовательно, архетип древнейшего славянского перевода кондака вмч. Димитрию был составлен в Первом Болгарском царстве. Ни одна южнославянская рукопись не является представителем хотя бы одной из древнеболгарских редакций *par excellence*. Южнославянские источники осложнены порчей, вторичным переосмыслением перевода без опоры на греческий оригинал и контаминацией ранних версий, в том числе разных вариантов греческого текста, чего не наблюдается в древнерусской версии. Значит, содержащийся в них текст появился раньше той эпохи, когда были созданы сами рукописи, т. е. до первой половины XIII в., которой датируется древнейший южнославянский источник текста кондака.

Выполнение богослужебных переводов, к тому же в двух редакциях, было невозможным в Болгарии в эпоху византийского господства (после 1018 г.) до начала XIII в. или даже после смерти царя Петра (969 г.), когда при Комитопулах вновь начались войны с Византией, безуспешные, в отличие от симеоновской эпохи, и приведшие к уничтожению Первого царства, после чего само совершение славянского богослужения в Болгарии в течение XI–XII вв. стало проблематичным. По этим соображениям появление архетипов обеих южнославянских редакций кондака вмч. Димитрию следует датировать эпохой Первого Болгарского царства.

В основе архетипа редакции Зоґр53=Ск и архетипа редакции ДМ=Пт72 лежат разные греческие оригиналы. Об этом свидетельствуют разночтения недвижимо/недвижимъ (*ἄσσειτως/ἄσειστον) Зоґр53=Ск — невръдимо/невръдимъ (ἄτροτον) ДМ=Пт72=др.-р. В основе древнерусской студийско-алексиевской редакции лежит греческий оригинал, отличающийся от того, который был использован при составлении архетипов обеих южнославянских редакций. Об этом свидетельствует чтение воґъ (Θεός), отличающееся от чтений воґю или боґю южнославянских рукописей, которые восходят к варианту *Θεοῦ, и чтение рефрена древнерусской редакции стѣвѣржениѣ (στίριγμα), отличающееся от чтения архетипов южнославянских редакций похвала (*καύχημα). Следовательно, архетипы трёх славянских редакций кондака вмч. Димитрию появились в результате сверки по разным греческим оригиналам.

Сопоставление древнерусских источников с южнославянскими позволяет установить отношение древнерусской редакции к южнославянским. Случаи согласования групп Зоґр53=Ск и др.-р. при наличии в них обеих правильного, а не испорченного чтения, отсутствуют (если группа Зоґр53=Ск не содержит контаминированное чтение, отражающее влияние разных греческих оригиналов, один из которых соответствует древнерусской версии). В то же время группа древнерусских рукописей не содержит индивидуальных чтений при наличии порчи в параллельных местах южнославянских рукописей. Наконец, древнерусская версия содержит общие ошибки со всеми южнославянскими рукописями. Следовательно, древнерусская версия вторична по отношению к некоей южнославянской версии, однако она не восходит непосредственно к архетипу Зоґр53=Ск. Значит, источником древнерусской версии является архетип группы ДМ=Пт72.

Важнейшим отличительным признаком техники перевода в архетипе группы Зоґр53=Ск является перевод неличных (причастных) синтаксических конструкций оригинала с помощью личной конструкции — дополнительной предикативной части, представляющей собой относительную конструкцию с союзным словом *иже и двумя однородными сказуемыми, выраженными личными формами глагола в соответствии с греческими причастиями. Трансформирующий перевод отредактирован в архетипе версии ДМ = Пт72 в пользу большей точности в воспроизведении грамматических категорий оригинала. Элементы лексико-семантического парафраза прослеживаются в переводе метафор ἐλορφύρωσεν — прѣкоѹрасова Ск (Бог церковь кровью мученика) (ср. в других источниках перевод, соответствующий первому основному значению греческого слова: «вагри) и λειπέτω — пѣдръжить Зоґр53=Ск (ср. в других источниках варианты перевода, передающие

семантику корневой лексемы согласно основному значению, причём древнерусская версия точнее воспроизводит морфемную структуру греческого слова, отказываясь от имеющегося в версии *ДМ=Пм72* приставки *съ* со значением полноты действия: *сънаѣдѣ* <← **сънаѣвѣдѣ*> *ДМ=Пм72* — др.-р. *наѣдѣди*). Древнерусская редакция кондака восходит к такой из двух более ранних древнеболгарских редакций, которая лексически, синтаксически и морфологически более точно передаёт греческий текст, т. е. к архетипу *ДМ=Пм72*. На Руси этот текст, однако, был заново отредактирован по другому греческому оригиналу с соблюдением языковых принципов более ранней редакции перевода.

С точки зрения типологии переводческой техники архетип версии *ДМ=Пм72*, точнее воспроизводящий оригинал, датируется более поздним временем, чем архетип *Зограф53=Ск*; вспомним ранее процитированные слова А. А. Алексеева: «Усиление буквальности последующих переводов можно рассматривать как универсальную тенденцию, известную многим древним литературам» [Алексеев 1999: 78]. Отмеченные в архетипе *Зограф53=Ск* элементы парафразы (передача причастных конструкций личными и контекстный перевод), устранённые в архетипе *ДМ=Пм72*, позволяют датировать появление архетипа *Зограф53=Ск* раннедревнеболгарским периодом, когда активно создавалась оригинальная славянская богослужебная поэзия: «Само создание оригинальных гимнографических сочинений, общехристианских по тематике и парафрастических по сути, исключает необходимость буквальных переводов существующих текстов» [Турилов, Флоря 2002: 419].

Сравнительный анализ трёх сохранившихся версий кондака вмч. Димитрию доказывает, что до появления древнерусской студийско-алексиевской редакции этого песнопения у него имелось две древнеболгарских редакции. Древнерусская версия восходит к той, более поздней, редакции, которая точнее воспроизводит оригинал и не содержит лексико-семантических и синтаксических трансформаций. Дальнейшие исследования должны показать, насколько полученные выводы актуальны для более представительного корпуса гимнографических текстов.

Источники Славянские издания

Уст. Тип. I–III — Типографский Устав. Устав с кондакарем конца XI — начала XII века / Ред.: Б. А. Успенский. М., 2006. Т. I–III.
К II–VII — Der altrussische Kondakar'. Auf der Grundlage des Blagoveščenskij Nižgorodskij Kondakar' / Hrsg. von A. Dostál, H. Rothe, unter Mitarbeit von

- E. Trapp und D. Stern. Bd. 2. Blagoveščenskij Kondakar'. Facsimileausgabe; Bd. 3. Das Kirchenjahr 1: September bis November; Bd. 4. Das Kirchenjahr 2: Dezember bis März; Bd. 5. Das Kirchenjahr 3: April bis August; Bd. 6: Triodion, Pentekostarion. Giessen, Schmitz, 1976, 1977, 1979, 1980; Wien, Köln, Weimer, Wien, Böhlau, 1990; München, Otto Sagner, 2004 (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen / Hrsg. von H.-B. Harder, H. Rothe. Bd. 8, 2–6; Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik / Hrsg. von P. Thiergen. Bd. 19).
- К II–VII а₁ — Кондакарь; РГБ, ОИДР, № 107, XII в.; по основному тексту и по вар. в изд. К III–VII.
- К II–VII а₂ — Кондакарь; РНБ, Пог. 43 (фрагмент рукописи К III–VII а₁), XII в.; по основному тексту и по вар. в: [К III–VII].
- К II–VII б_{1,2} — «Типографский Устав», церковный Устав патриарха Алексия Студита и Кондакарь; ГТГ, К-5349, XI–XII вв.; по изд. и исслед.: [Успенский I–III; К III–VII].
- К II–VII в — В «Благовещенский, или Нижегородский, Кондакарь»; РНБ, Q п I 32 и ОГНБ (ОДНБ), Григ. № 1/93 (1 л.), (к. XII? —) нач. XIII в. (две части одной рукописи); по основному тексту и по вар. в [К III–VII] и по факсимильным изд.: [Бражников 1955; К II].
- К II–VII с — «Успенский Кондакарь»; ГИМ, Усп. 9, 1207 г.; по основному тексту и по вар. в [К III–VII] и по изд.: [Bugge 1960].
- К II–VII d — «Лаврский, или Троицкий, Кондакарь», к. XII–XIII вв., РГБ, ф. 304/I (ТСЛ), № 23; по основному тексту и по вар. в [К III–VII] и по изд.: [Myers 1994].
- К II–VII е — «Синодальный Кондакарь», ГИМ, Син. 777, XIII в.; по основному тексту и по вар. в [К III–VII].
- MD I–V — Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 162 des Staatlichen Historischen Museums Moskau. Historisch-kritische Edition, nach den slavischen handschriften der Rus' des 12. und 13. Jh. Besorgt und kommentiert von D. Christians et al. / Hrsg. von H. Rothe, E. M. Vereščagin. Teil 1: 1. bis 8. Dezember; Teil 2: 9. bis 19. Dezember Teil 3: 20. bis 24. Dezember einschließlich der Sonntage vor Christi Geburt; Teil 4: 25. bis 31. Dezember einschließlich des Sonntags nach Christi Geburt, mit einem Nachtrag griechischer Vorlagen für Hymnen aus den Bänden 1–3, zusammengestellt von D. Christians; Teil 5: Facsimile der Handschrift Sin. 162 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM), mit einer paläographischen Beschreibung von E. V. Šulgina. Opladen, Westdeutscher Verlag, 1996, 1997, 1999, 2000; Paderborn, München, Wien, Zürich, Verlag Ferdinand Schöningh, 2006 (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, Bd. 98, 99, 105, 106, 114. Patristica Slavica; Bd. 2, 3, 6, 7, 14 / Hrsg. von H. Rothe).
- MF I–IV — Gottesdienstmenäum für den Monat Februar: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition. Besorgt und kommentiert von D. Christians u. a. / Hrsg. von D. Christians, H. Rothe. Teil 1: 1. bis 9. Februar; Teil 2: 10. bis 19. Februar; Teil 3: 20. bis 29. Februar; Teil 4: Facsimile der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM), mit einer kodikologischen und paläographischen Beschreibung von E. V. Šulgina / Hrsg. von H. Rothe. Paderborn u. a., Schöningh, 2003, 2006, 2009, 2010 (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, Bd. 109, 113, 120, 122; Patristica Slavica; Bd. 10, 13, 17, 18 / Hrsg. von H. Rothe).

Рукописи

- ДМ* — «Драганова Миня». Зогр. 54. Праздничная Миня на весь год, ср.-болг., к. XIII или XIV⁴⁰ в. [Райков et al. 1994: 52, № 54; Турилов, Мошкова 1999: 136–137, № 333; там же см. места хранения и шифры двух других фрагментов рукописи].
- Зогр 53* — Зогр. 53. Службная Миня на январь, др.-сербск., сер. XIV в. [Райков et al. 1994: 44–45, № 53; Турилов, Мошкова 1999: 158, № 387].
- Пт 72* — РНБ, Ф п I 72, праздничная Миня на весь год, ср.-болг., XIII–XIV вв. [Каталог 2009: 63–65].
- Ск* — НБКМ 522, «Скопльская Миня», праздничная Миня со службами на сентябрь–май, ср.-болг., XIII в. [Цонев 1923: 52–53, № 522; Христова и др. 1982: 31, № 37].

Греческие издания

- AK I–II — Кондакарий въ греческом подлиннике XII–XIII в. по рукописи Московской Синодальной библиотеки № 437 съ древнейшим Славянским переводом кондаковъ и икосов какие есть в переводе. [...] Труд архимандрита Амфилохия. М., 1879. Т. 1; 2 (Дополнение къ Кондакарию XII–XIII века).
- MR I–VI — *Μηναῖα τοῦ ὄλου ἐνιαυτοῦ*. Т. I–VI. Ἐν Ῥώμῃ, 1888–1901.
- MT I–II — *Sancti Romani Melodi Cantica* / Ed. by P. Maas, C. Trypanis. 2 vol. Vol. 1: *cantica genuina*. Oxford, 1963; Vol. 2: *Cantica dubia*. Berlin, 1970.
- MV X — *Μηναῖον τοῦ Οκτωβρίου. Ἐν Βενετίᾳ*, 1863 (<http://analogion.gr/glt/texts/Oct/26.uni.htm>; <http://analogion.gr/music/lb/37-october>).
- TRM I–III — Ῥωμανοῦ τοῦ Μελωδοῦ ὕμνοι, ἐκδιδόμενοι ἐκ πατριαρχῶν κωδίκων / Μετὰ προλεγομένων ὑπὸ Ν. Τωμαδάκη. Т. 1. Ἀθήναι, 1952; Т. 2. Ἀθήναι, 1954; Т. 3/1: *Κοντακάρια τοῦ Σινᾶ* / Ὑπὸ Ν. Λιβαδάρα. Ἀθήναι, 1957; Т. 3/2, Ἀθήναι, 1957.

Литература

- Алексеев 1999 — Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. Köln, Weimar, Wien, 1999.
- Баранов, Марков 2003 — Новгородская службная миня на май (Путятинская миня). XI век: Текст. Исследования. Указатели / Подг. В. А. Баранов, В. М. Марков. Ижевск, 2003 (http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=19&p_lid=1).
- Бражников 1955 — Благовещенский кондакаръ. Фотовоспроизведение рукописи / Изд. и вступ. статья: М. В. Бражников. Л., 1955.
- Верещагин 1997 — Верещагин Е. М. Особый парафраз канона на Рождество Христово в Декабрьской службной минее конца XII — начала XIII вв. // *Palaeobulgarica* = Старобългаристика. 1997. Год. 21. № 4. С. 18–36.

- Верещагин 1999 — Верещагин Е. М. Дальнейшее исследование рождественского парафрастического канона Константина Преславского с иным прочтением кондаковки его акростиха // *Palaeobulgarica* = Старобългаристика. 1999. Год. 23. № 4. С. 25–40.
- Верещагин 2006 — Ильина книга. Древнейший славянский богослужебный сборник. Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинейно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием / Подг. Е. М. Верещагин. М., 2006.
- Верещагин, Крысько 1999а–б — Верещагин Е. М., Крысько В. Б. Наблюдения над языком и текстом архаичного источника — Ильиной книги // Вопросы языкознания. 1999а. № 2. С. 3–26; Вопросы языкознания. 1999б. № 3. С. 38–59.
- Владышевская 2006 — Владышевская Т. Ф. Музыкальная культура Древней Руси. М., 2006.
- Владышевская 2007 — Владышевская Т. Ф. Типографский Устав и музыкальная культура Древней Руси XI–XII веков // Типографский Устав. Устав с кондакарем конца XI — начала XII века / Ред.: Б. А. Успенский. Т. III. М., 2006. С. 111–201.
- Иорданиди, Крысько 2000 — Иорданиди С. И., Крысько В. Б. Множественное число именного склонения (= Историческая грамматика древнерусского языка. Т. I / Ред.: В. Б. Крысько). М., 2000.
- Йовчева 2002 — Йовчева М. Гимнографическое наследие кирилло-мефодиевских учеников в русской книжности // Древняя Русь: (Вопросы медиевистики). 2002. № 8/2. С. 100–112.
- Йовчева 2004 — Йовчева М. Солунский Октоих в контекста на южнославянските Октоиси до XIV в. (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 16). София, 2004.
- Йовчева 2008 — Йовчева М. Возникновение службных миней: общие гипотезы и текстологические факты // *Scripta & e-Scripta*. Vol. 6. 2008. С. 195–232.
- Йовчева 2009 — Йовчева М. Об одной словообразовательной модели в ранних гимнографических текстах (глаголы с суффиксами -ова-/-ева-) // *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag* / Hrsg. von D. Christians, D. Stern, V. S. Tomelleri (= *Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe*. Bd. 3 / C. Voß). München, 2009. С. 209–228.
- Карабинов 1910 — Карабинов И. Постная Триодь. Исторический обзор ея плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб., 1910 (<http://www.mzh.mrezha.ru/books.php#IAKar>).
- Каталог 1984 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.
- Каталог 2009 — Славянские рукописи болгарского происхождения в Российской Национальной библиотеке — Санкт-Петербург / Сост.: Б. Христова, В. Загребин, Г. Енин, Е. Шварц. София, 2009.
- Кожухаров 1983/2004 — Кожухаров С. Константин Преславски. Канон за архистратига Михаил // Кожухаров С. Проблеми на старобългарската поезия. София, 2004. С. 45–59 (впервые: Пѣти достойт архистратига. Новооткрито произведение на Константин Преславски // Литературознание и фолклористика. В чест на 70-годишнината на академик Петър Динеков. София, 1983. С. 59–62).

⁴⁰ XIV в. — альтернативная и более возможная датировка, предложенная А. А. Туриловым в личной консультации.

- Кожухаров 1984/2004 — *Кожухаров С.* Химнописец Наум Охридски // Кожухаров С. Проблемы на старобългарската поезия. София: Издателски център «Боян Пенев», 2004. С. 33–44 (впервые: Песенного творчество на старобългарския книжовник Наум Охридски // Литературна история. 1984. № 12. С. 3–19).
- Кожухаров 2004 — *Кожухаров С.* Проблемы на старобългарската поезия. София, 2004. С. 45–59.
- Крашенинникова 2006 — *Крашенинникова О. А.* Древнеславянский Октоих св. Климента, архиеп. Охридского: По древнерусским и южнославянским спискам XIII–XV веков. М., 2006.
- Кривко 2008 — *Кривко Р. Н.* Синайско-славянские гимнографические параллели // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2008. № 1 (11). С. 56–102 (<http://pstgu.ru/download/1222152433.krivko.pdf>).
- Крысько 1994 — *Крысько В. Б.* Развитие категории одушевленности в русском языке. М., 1994.
- Крысько 2004 — *Крысько В. Б.* Комментарии и указатели // Соболевский 2004/1884. С. 3–96 (третья пагинация).
- Крысько 2005 — Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131. Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В. Б. Крысько. М., 2005.
- Крысько 2008 — *Крысько В. Б.* Рецензия на: [Уст. Тип. I–III] // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 136–146.
- Крысько 2010 — *Крысько В. Б.* Древнеславянский канон первоучителю Кириллу: источники и реконструкция (песнь пятая) // Die Welt der Slaven. 2010. LV/1. С. 117–147 (<http://www.ruslang.ru/doc/krysko2010.pdf>).
- Крысько 2010a — *Крысько В. Б.* Копиёмъ словесъ ти: К реконструкции древнейшего канона Кириллу Философу // Пъние мало Георгию. Сборник в чест на 65-годишната на проф. дфн Георги Попов / Отг. ред.: М. Йовчева. София, 2010. С. 48–66.
- Куюмджиева 2010 — *Куюмджиева С.* Триодът Vaticanus Graecus 771 // Пъние мало Георгию. Сборник в чест на 65-годишната на проф. дфн Георги Попов / Отг. ред.: М. Йовчева. София, 2010. С. 521–536.
- Максимович 2004 — *Максимович К. А.* Законъ судьныи людьмъ. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004.
- Максимович 2006 — *Максимович К. А.* Трансформации неличных конструкций византийского «Шестоднева» в переводе Иоанна экзарха болгарского: (Опыт количественного описания) // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 113–128.
- Матејко 2003 — *Matejko L.* Вопросы исследования древнейшей славянской гимнографии: (Ирмосы: разночтения и история текста) // XIII. medzinárodný zjazd slavistov v Lubľane. Príspevki slovenských slavistov. Bratislava, 2003. С. 21–48.
- Матејко 2007 — *Matejko L.* Ирмосы в славянских минеях XI–XIV вв. // Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung Bonn, 7.–10. Juni 2005 / Hrsg. von H. Rothe, D. Christians (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 117. Patristica Slavica. Bd. 15 / Hrsg. von H. Rothe). Paderborn, München, Wien, Zürich, 2007. С. 27–49.
- Момина 1992 — *Момина М. А.* Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в. // Труды Отдела древнерусской

- литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (= ТОДРЛ). Санкт-Петербург, 1992. Т. XLV. С. 200–219.
- Мурьянов 1998–2000 — *Мурьянов М. Ф.* Путятина Минея на май (1–9 мая), подг. текста и параллели М. Ф. Мурьянова // Palaeoslavica. Vol. VI. 1998. С. 114–208; Путятина Минея на май (10–17 мая), подг. текста и параллели М. Ф. Мурьянова // Palaeoslavica. Vol. VII. 1999. С. 136–217; Путятина Минея на май (18–31 мая), подг. текста и параллели М. Ф. Мурьянова // Palaeoslavica. Vol. VII. 2000. С. 123–221.
- Мурьянов 2003 — *Мурьянов М. Ф.* Гимнография Киевской Руси. М., 2003.
- Нечунаева 1998 — *Нечунаева Н. А.* Майская Минея и рукопись Q.p.1.25 из собрания А. Ф. Гильфердинга // Русь и южные славяне: Сборник статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894–1987). Санкт-Петербург, 1998. С. 329–339.
- Нечунаева 2000 — *Нечунаева Н. А.* Минея как тип славяно-греческого средневекового текста (= Tallinna pedagogikaülikoli humantaarttea-duste dissertatsioonid, 3), Tallinn.
- Никифорова 2005 — *Никифорова А. Ю.* Проблема происхождения служебной минеи: структура, состав, месяцеслов греческих миней IX–XII вв. из монастыря святой Екатерины на Синае. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Никифорова 2010 — *Никифорова А. Ю.* Рождение Миней: Греческие Миней IX–XII вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. III: Филология. 2010. Вып. 4 (22). С. 103–122 (<http://pstgu.ru/scientific/periodicals/bulletin/III/archives/articles/22/>).
- Пентковский 2001 — *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. Москва, 2001.
- Пентковский 2007 — *Пентковский А. М.* Славянское богослужение и славянская гимнография византийского обряда в X веке // Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung Bonn, 7.–10. Juni 2005 / Hrsg. von H. Rothe, D. Christians (= Abhandlungen der Nordrheinwestfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 117. Patristica Slavica. Bd. 15 / Hrsg. H. Rothe). Paderborn, München, Wien, Zürich, 2007. С. 16–26.
- Пичхадзе 2008 — *Пичхадзе А. А.* Южнославянские традиции в древнерусской письменности (лексика и грамматика) // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации / Отв. ред.: А. М. Молдован. М., 2008. С. 152–172.
- Пичхадзе 2009 — *Пичхадзе А. А.* О языковых особенностях славянских служебных миней // Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag / Hrsg. von D. Christians, D. Stern, V. S. Tommelleri (= Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe. Bd. 3 / C. Voß). München, 2009. С. 297–308.
- Пожидаева 2007 — *Пожидаева Г. А.* Певческие традиции Древней Руси. Очерки теории и стиля. М., 2007.
- Попов 1985 — *Попов Г.* Триодни произведения на Константин Преславски (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 2). София, 1985.
- Попов 1994 — *Попов Г.* Следи от разпространението на Наумовия Канон за св. апостол Андрей // Старобългарска литература. Кн. 28–29. 1994. С. 10–22.

- Попов 1997 — *Попов Г.* Новооткрыт канон на Константин Преславски с тайнописно поетическо послание // *Palaeobulgarica* = Старобългаристика. 1997. Год. 21. № 4. С. 3–17.
- Попов 1998 — *Попов Г.* Канон за Рождество Христово от Константин Преславски // *Palaeobulgarica* = Старобългаристика. 1998. Год. 22. № 4. С. 3–26.
- Попов 2003 — *Попов Г.* Канонът за св. апостол Андрей от Наум Охридски в Хлудовия празничен миней № 166 // Пъти достоить. Сборник в памет на Стефан Кожухаров / Ред. колл.: А. Милтенова, Е. Тончева, С. Бърлиева. София, 2003. С. 15–24 (+ 2 илл.).
- Попов 2010 — Пъние мало Геωργию. Сборник в чест на 65-годишната на проф. дфн. Георги Попов / Отг. ред.: М. Йовчева. София, 2010.
- Райков и др. 1994 — *Райков Б., Кожухаров С., Миклас Х., Кодов Х.* Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. София, 1994.
- Речник 2003 — Речник на грчко-црковнословенски лексички паралели / Ред.: М. Аргировски. Скопје, 2003.
- СДРЯ I–VIII — *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.* Т. I–VIII. М., 1988–2008.
- Сергий I–III — *Сергий (Спаский), архиеп.* Полный месяцелов Востока. Т. I–III. Владимир, 1901 (репринт: М., 1997).
- Соболевский 2004/1884 — *Соболевский С. А.* Очерки из истории русского языка // Соболевский С. А. Труды по истории русского языка. Т. 1: Очерки из истории русского языка. Лекции по истории русского языка / Предисл. и коммент. В. Б. Крысько. М., 2004. С. I+III, 1–247 (первая пагинация).
- Станчев, Йовчева 2003 — *La poesia liturgica slava antica.* XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Lubiana, 15–21 Agosto 2003). Blocco tematico n° 14. Relazioni / A cura di K. Stanchev, M. Yovcheva (= Древнеславянская литургическая поэзия. XIII Международный съезд славистов [Люблина, 15–21 августа 2003]. Тематический блок № 14. Доклады / Сост.: К. Станчев, М. Йовчева). Roma, Sofia, 2003.
- Станчев, Попов 1988 — *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски: живот и творчество. София, 1988.
- Суботин-Голубовић 1995 — *Суботин-Голубовић Т.* Упоредно проучавање структуре српских и византијских минеја старијег периода // П. Ивић (ур.). Проучавање средњовековних јужнословенских рукописа. Београд. С. 439–446.
- Турилов 2000 — *Турилов А. А.* После Климента и Наума: (Славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X — первой половине XIII в.) // Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А. Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000. С. 76–162.
- Турилов 2006 — *Турилов А. А.* К уточнению объема и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического корпуса в древнерусской рукописной традиции (На материале минейных служб) // Старобългарска литература. Кн. 35–36. 2006. С. 22–37.
- Турилов 2006а — *Турилов А. А.* К определению объема творческого наследия учеников Кирилла и Мефодия в составе славянского Требника: (Предварительные наблюдения над южнославянской рукописной и старопечатной традицией) // *Slavica medievalia in memoriam Francisci Venceslai Mareš* / Hrsg.: J. Reinhart (= Schriften über Sprachen und Texte. Bd. 8 / Hrsg. von G. Holzer). Frankfurt am Main u. a., 2006. С. 107–123.

- Турилов, Мошкова 1999 — *Турилов А. А., Мошкова Л. В.* Славянские рукописи афонских обителей / Под ред. А.-Э. Н. Тахиаоса. Фессалоники, 1999.
- Турилов, Флоря 2002 — *Турилов А. А., Флоря Б. Н.* Христианская литература у славян в середине X — середине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Отв. ред.: Б. Н. Флоря. М., 2002. С. 398–458.
- Успенский 1973/1997 — *Успенский Б. А.* Древнерусские кондакари как фонетический источник // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. III: Общее и славянское языкознание. М., 1997. С. 209–246 (впервые: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов [Варшава, август 1973 г.]: доклады советской делегации / Ред.: С. Б. Бернштейн. М., 1973. С. 314–346).
- Флоря 2000 — *Флоря Б. Н.* Славянская письменность в конце IX–X в. // Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А. Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. С.-Петербург, 2000. С. 5–27.
- Христова и др. 1982 — *Христова Б., Караджова Д., Икономова А.* Български ръкописи от XI до XVIII век, запазени в България. Своден каталог. Т. I. София, 1982.
- Христова-Шомова 2009 — *Христова-Шомова И.* Две южнославянские минеи в сравнении с новгородскими минеями // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2009. № 4. С. 44–62 (http://drevnyaya.ru/vyp/2009_4/part_5.pdf).
- Христова-Шомова 2009а — *Христова-Шомова И.* Един старобългарски празничен миней: (Кирилската палимпсестна част на апостол № 880 от НБКМ) // *Palaeobulgarica*=Старобългаристика. Год. 33. 2009. № 2. С. 16–38.
- Христова-Шомова 2010 — *Христова-Шомова И.* Новгородските минеи и Зографският миней № 53 (I.e.7) // Пъние мало Геωργию. Сборник в чест на 65-годишната на проф. дфн. Георги Попов / Отг. ред.: М. Йовчева. София, 2010. С. 117–140.
- Цонев 1923 — *Цонев Б.* Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. Т. 2. София, 1923.
- Шеголева 2001 — *Шеголева Л. И.* Путятина Миней (XI век) в круге текстов и истолкования, 1–10 мая. М., 2001.
- ЭСЯ 1–36 — *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд.* Вып. 1–36. М., 1974–2010.
- Ягич 1886 — Службные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь, в церковно-славянском переводе, по русским рукописям 1096–1097 годов / Труд И. В. Ягича (= Памятники древнерусского языка. Т. I). СПб., 1886.
- Birkfellner II–III 2006 — *Birkfellner G.* Ἀνθολόγιον λειτουργικόν. Цвѣтословъ службѣньны. Codex Hankenstein. Codex Vindobonensis slavicus 37. Altukrainisches liturgisches Anthologion des 13.–14. Jh. Textus manuscriptus linguae ecclesiastico-slavonicae versionis ucrainicae (parvorossicae) saeculi XIII–XIV. Bd. II: Neutestamentliche Perikopen; Bd. III: Μηνολόγιον. Мѣсацесловъ. Liturgischer Festkalender für den Jahreszyklus der unbeweglichen Feste (= Münstersche Texte zur Slavistik. Bd. 2, 3 / Hrsg. von G. Birkfellner, B. Symanzik). Berlin, 2006–2007.
- Bugge 1960 — *Contacarium Palaeoslavicum Mosquense* / Edendum curavit A. Bugge (= Monumenta Musicae Byzantinae / Ed. C. Nøeg et al. T. VI). Copenhagen, 1960.
- Cavalieri 1923 — *Codices Vaticani Graeci, recensuerunt I. Mercatti, bibliothecae Vaticanae praefectus, et P. F. de' Cavalieri, scriptor.* T. I. Codices 1–329. Romae, MCMXXIII.
- Christians 2001 — *Christians D.* Wörterbuch zum Gottesdienstmenäem für den Monat Dezember slavisch–griechisch–deutsch nach ostslavischen Handschriften des

12. und 13. Jahrhunderts mit einem Glossar griechisch—slavisch (= Abhandlungen der Nordrhein-westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 107. *Patristica Slavica*. Bd. 8 / Hrsg. von H. Rothe). Wiesbaden, 2001.
- Christians 2006 — *Christians D.* Zur Dreifachübersetzung des Kanons für Methodius von Patara im ostslavischen Gottesdienstmenäum // *Iter philologicum*. Festschrift für Helmut Keipert zum 65. Geburtstag / Hrsg. von D. Bunčić, N. Trunte (= Die Welt der Slaven. Sammelbände. Сборник / Hrsg. von P. Rehder, I. Smirnov). München, 2006. S. 183–196.
- Devreesse 1950 — *Codices Vaticani graeci*. T. III. Cod. 604–866 / Recensuit R. Devreesse. Bibliotheca Apostolica Vaticana, 1950.
- Devreesse 1955 — *Devreesse R.* Les manuscrits grecs de l'Italie méridionale (histoire, classement, paléographie) (= *Studi e testi*, 183). Città del Vaticano, 1955.
- Floros 2009 — *Floros C.* The Origins of Russian Music. Introduction to the Kontakian Notation / Revised, translated, and with a chapter on relationships between Latin, Byzantine and Slavonic Church music by Neil L. Moran. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2009.
- Follieri I–V(1/2) — *Follieri H.* Initia hymnorum Ecclesiae Graecae. Vol. I–V(1/2) (= *Studi e testi*, 211–215bis). Città del Vaticano, 1960–1966.
- Hahn 1968 — *Hahn J.* Die Verse in den Novgoroder Hirmologionfragmenten (Ton I und II) // Die Welt der Slaven. 1968. [Bd.] XIII. S. 423–451.
- Hannick 2009 — *Hannick Ch.* Le Kontakion dans l'histoire de la musique ecclésiastique byzantine // *Ostkirchliche Studien*. 2009. Bd. 58, Hf. 1. P. 57–66.
- Kamp 2010 — *Kamp A.* Kliment von Ohrid (Klémens von Achrida) — Kanones für das Commune Sanctorum. Studie und Text, Materialien (= Münstersche Texte zur Slavistik. Bd. 5 / Hrsg. von G. Birkfellner, B. Symanzik). Berlin, 2010.
- Keller 1973 — *Keller F.* Das Kontakion aus der ersten Služba für Boris und Gleb // Schweizerische Beiträge zum VII. Internationalen Slavistenkongreß in Warschau, August 1973 (= *Slavica Helvetica* 7). Luzern, Frankfurt a. Main, 1973. S. 65–73.
- Keller 1977 — *Keller F.* Die russisch-kirchenslavische Fassung des Weihnachtskontakions und seiner Prosomoia (= *Slavica Helvetica* 9). Bern, Frankfurt a. Main, Las Vegas, 1977.
- Keller 1978 — *Keller F.* Die slavischen Fassungen des 'Akathistos' // Schweizerische Beiträge zum VIII. Internationalen Slavistenkongreß in Zagreb und Ljubljana, September 1978 (= *Slavica Helvetica* 12). Bern, Frankfurt a. Main, Las Vegas. 1978. S. 87–103.
- Keller 1981 — *Keller F.* Die Leningrader Kondakar'-Blätter // *Colloquium Slavicum Basiliense*. Gedenkschrift für Hildegard Schroeder, Bern usw (= *Slavica Helvetica* 16). 1981, S. 315–323.
- LSJ — *A Greek-English Lexicon / Comp. by H. G. Liddell, R. Scott, rev. and augm. by Sr. H. S. Jones with the assistance of R. McKenzie*. 9th ed. with a rev. supplement. Oxford, 1996.
- Marti 1989 — *Marti R.* Handschrift — Text — Textgruppe — Literatur. Untersuchungen zur inneren Gliederung der frühen Literatur aus dem ostslavischen Sprachbereich in den Handschriften des 11. bis 14. Jahrhunderts (= Veröffentlichungen der Abteilung für Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts [Slavisches Seminar] an der Freien Universität Berlin. Bd. 68 / Begr. von M. Vasmer, hrsg. von F. Otten, K.-D. Seemann, J. Striedter). Berlin, Wiesbaden, 1989.
- Meyer 1886 — *Meyer W.* Anfang und Ursprung der lateinischen und griechischen rhythmischen Dichtung (= Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Bd. XVII). München, 1886.

- Meyer 1896 — *Meyer W.* Pitra, Mone und die byzantinische Strophik // *Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften*. Bd. 25. 1896. S. 49–66.
- Momina 1990 — *Momina M. A.* Zum Problem der Korrektur slavischer gottesdienstlicher hymnographischer Bücher in der Rus' des XI Jh. // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. 50, Heft 1. S. 16–49.
- Momina 2004 — *Momina M. A.* Einführung // *Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11.–14. Jahrhunderts*. Teil I: Vorfastenzeit. Hrsg. von M. A. Momina, N. Trunte (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 110. *Patristica Slavica*. / Hrsg. von H. Rothe. Bd. 11). Paderborn, München, Wien, Zürich, 2004. S. *3–*283.
- Myers 1994 — *The Lavrsky Troitsky Kondakar / Ed. by G. Myers* (= *Monumenta Slavico-Byzantina et Mediaevalia Europensia*. T. IV). Sofia, 1994.
- Myers 2009 — *Myers G.* A Historical, Liturgical and Musical Exploration of Kondakarnoe Penie: The Deciphering of a Medieval Slavic Enigma. Sofia, 2009.
- Rothe 1988 — *Rothe H.* Südslavische Kontakien in ihrem Verhältnis zum ostslavischen Kondakar // *Slavistische Studien zum X. internationalen Slavistenkongress in Sofia 1988 / Hrsg. von R. Olesch, H. Rothe*. Köln, Wien, 1988. S. 489–504.
- Rothe 1993 — *Rothe H.* Ost- und südslavische Kontakien als historische Quellen // *Millenium Russiae Christianae*. Tausend Jahre Christliches Russland 988–1988 / Hrsg. von G. Birkfellner (= *Schriften des Komitees der Bundesrepublik Deutschland zur Förderung der Slawischen Studien*. Bd. 16). Köln, Weimar, Wien, 1993. S. 239–261.
- SJS I–IV — *Slovník jazyka staroslověnského*. T. I–IV. Praha, 1966–1997 (репринт: СПб., 2006).
- Stern 2002 — *Stern D.* Variation in Mehrfachübersetzungen von Theotokia in altrussischen Gottesdienstmenäen // *Die Übersetzung als Problem sprach- und literaturwissenschaftlicher Forschung in Slavistik und Baltistik: Beiträge zu einem Symposium in Münster, 10.–11. Mai 2001 / Hrsg. von B. Symanzik, G. Birkfellner, A. Sproede* (= *Studien zur Slavistik*. Bd. 1). Hamburg, 2002. S. 167–184.
- Večerka 1993 — *Večerka R.* Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Bd. Die innere Satzstruktur (= *Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris*. T. XXXIV (XXVII, 2) / Ed.: R. Aitzetmüller, L. Sadnik, E. Weyher). Freiburg i. Br., 1993.
- Παπαδόπουλος-Κεραμεύς 1894 — Ἄ. Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Πετρούπολις, 1894.
- Παπαηλιοπούλου-Φωτοπούλου 1996 — *Παπαηλιοπούλου-Φωτοπούλου E.* Ταμείον ἀνεκδότων βυζαντινῶν ἁσματικῶν κανόνων seu Analecta Hymnica Graeca e Codicibus eruta Orientis Christiani. 1. Κανόνες Μηναιῶν. Ἀθήναι, 1996.